SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- В. Л. Ранцов
  -
  - Введение
  - Глава I. Молодость Ришелье и начало его политической карьеры
  - Глава II. Первое министерство Ришелье. – Опала. – Кардинальская шапка. Вторичное вступление в министерство
  - Глава III. Отношение ришелье к Людовику XIII и его приближенным
  - Глава IV. Интриги и заговоры против Ришелье
  - Глава V. Внутренняя и внешняя политика кардинала
  - Глава VI. Характер и частная жизнь кардинала
  - Источники и пособия
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

В. Л. Ранцов
Кардинал Ришелье
Его жизнь и политическая деятельность
Биографический очерк
С *портретом Ришелье, гравированным в Лейпциге Геданом*

Введение

Исторические деятели, на долю которых выпадает неблагодарная задача окончательного сведения счетов с давно установившимися порядками, без сомнения, не могут надеяться на справедливую оценку со стороны современников. Неудивительно поэтому, что кардинал Ришелье был при жизни и в первое время после смерти предметом то величайших похвал, то самых жестоких порицаний. В мемуарах современников великого кардинала говорит или желчная ненависть, или восторженное поклонение. Протестантские писатели не признают в нем ни талантов, ни даже способностей, и умышленно закрывают глаза на услуги, несомненно оказанные им Франции. Католикам Ришелье представляется, в свою очередь, гениальнейшим государственным деятелем, одаренным политической мудростью, беспримерной в летописях истории. Необходимо заметить, впрочем, что даже и новейшие историки в отзывах своих о Ришелье зачастую не выказывают надлежащего беспристрастия. Сторонники либеральных учреждений обвиняют его в том, что он не воспользовался выгодами своего положения для установления во Франции конституционных порядков, а вместо того, сломав феодальную аристократию, уничтожил единственное препятствие, способное хоть сколько-нибудь сдерживать королевскую власть в некоторых границах. Утверждают даже, будто он стремился к усилению монархической власти именно только потому, что король Людовик XIII был в его руках послушным орудием.

Легитимисты видят, в свою очередь, в Ришелье предтечу революции. Его обвиняют в том, что он, сам того не сознавая, подготовил ее и таким образом обнаружил непростительное отсутствие дальновидности.

В несравненно меньшей степени расходятся отзывы о нравственных принципах, которыми руководствовался Ришелье как в государственной деятельности, так и в частной жизни. Даже самые восторженные поклонники великого кардинала не решаются рисовать нравственный его облик в сколько-нибудь привлекательном виде, враги же изображают его совершенным чудовищем. На самом деле кардинал Ришелье был с точки зрения этического развития характерным представителем своего века. С другой стороны, нельзя отрицать, что он всегда и во всем ставил свои личные интересы на первое место. Именно только эти личные интересы заставили его разойтись с партией, поддерживающей испанскую политику, преданным сторонником

которой он был в первое время. Возгоревшаяся затем борьба с этой партией дала Ришелье случай выказать большую силу характера и недюжинные дарования. Необходимо заметить, впрочем, что он не задавался в своей государственной деятельности отдаленными видами, а всегда стремился к достижению ближайших возможных целей. Это объясняется, быть может, тем, что у него самого почва под ногами все время колебалась. Среди забот о внутренних и внешних государственных делах Ришелье постоянно должен был помышлять о самозащите. Бесхарактерность и подозрительность Людовика XIII делали положение первого его министра до чрезвычайности непрочным. Ришелье приходилось поэтому беспрерывно держаться настороже и вести упорную борьбу со своими явными и тайными врагами: матерью Людовика XIII – Марией Медичи, супругой его – Анной Австрийской, братом короля – Гастоном Орлеанским и многочисленными их приверженцами. Борьба эта велась с обеих сторон самым беспощадным образом. Противники Ришелье не гнушались убийством, так что жизнь его неоднократно подвергалась серьезной опасности. Неудивительно, что и он, в свою очередь, зачастую обнаруживал крайнюю жестокость и неразборчивость в выборе средств.

Ришелье был дворянином с головы до пят и всецело разделял презрение, с которым в его время дворянство относилось к простонародью. Если он сломил во Франции феодальную аристократию, то единственно лишь вследствие усердного участия наиболее выдававшихся ее представителей в интригах и заговорах против него лично. Кардинал Ришелье несомненно обладал большой дозой веротерпимости, позволявшей ему поддерживать в Германии протестантов непосредственно в ущерб интересам католической церкви. Если в самой Франции он вел войну с гугенотами, то руководствовался при этом чисто политическими побуждениями. Враги кардинала объясняли его веротерпимость полнейшим равнодушием к религиозным вопросам и, может быть, в данном случае не особенно ошибались. Нельзя отрицать, однако, что государственная деятельность Ришелье, независимо от руководивших им личных мотивов, принесла громадную пользу не только Франции, но и вообще всей Европе. Благодаря Ришелье рушилась гегемония Испании и Австрии, угрожавшая распространить власть инквизиции на всю Западную Европу. История должна поэтому признать, что кардинал Ришелье фактически оказал делу цивилизации крупную услугу.

Глава I. Молодость Ришелье и начало его политической карьеры

Арман Жан дю Плесси, кардинал и герцог Ришелье, родился в Париже 9 сентября 1585 года. (Отец его Франсуа дю Плесси принадлежал к старинной дворянской фамилии и в награду за услуги, оказанные королю Генриху III, был пожалован орденом Св. Духа, считавшимся в то время весьма почетным отличием. Впоследствии, при короле Генрихе IV, он отличался блистательной храбростью на полях битв и состоял в чине капитана королевских телохранителей. Он умер в 1590 году, оставив после себя трех сыновей и двух дочерей.

Мать будущего великого кардинала предназначала его сперва к военной службе. Тем не менее он получил по тогдашним временам чрезвычайно хорошее образование, изучал в Лизье риторику и философию, а затем поступил в военное училище, где успел уже добиться больших успехов в фехтовании и верховой езде, когда домашние обстоятельства побудили его отказаться от военной карьеры и перейти в духовное звание. Дело в том, что люсонское епископство, бывшее за последнее время наследственным в семье дю Плесси, неожиданно оказалось вакантным. Король Генрих IV назначил епископом юного Армана, которому в то время шел только двадцать второй год и, следовательно, еще не исполнилось возраста, требуемого церковными законами для посвящения в епископский сан. Это не помешало ему, однако, немедленно отправиться в Рим. Папа Павел V, выслушав речь, произнесенную на латинском языке юным дю Плесси, рукоположил его в епископы. Арман был в это время до такой степени бледен и худощав, что казался моложе своих лет. Когда он преклонил пред папой колена, Павел V, как уверяют, спросил его:

– А вы достигли уже возраста, требуемого церковными уставами?

– Точно так, ваше святейшество, – отвечал будущий кардинал, кладя пред папой земной поклон.

По окончании священного обряда дю Плесси пал ниц пред папой и воскликнул:

– Ваше святейшество, отпустите мне великий грех, я ведь не достиг еще надлежащего возраста!

Дав юному епископу требуемое отпущение, папа обратился к своим приближенным и сказал:

– Из этого молодого человека выйдет недюжинный плут. Он

далеко пойдет!

Может быть, папа предвидел тогда, что Арман дю Плесси не удовлетворится епископским саном.

Во Франции Париж уже и в XVII столетии являлся могущественным притягательным центром для искателей приключений и честолюбцев. Епископы следовали примеру остальной знати и возвращались в свои епархии только когда навлекали чем-нибудь на себя опалу. Ришелье, приехав в Париж, в первое время продолжал научные занятия. Блистательно сдав экзамен в Сорбонне, он получил в 1607 году ученую степень доктора богословия. Король Генрих IV покровительствовал дю Плесси, которого называл своим епископом, и охотно слушал его проповеди, отличавшиеся от поучений модного тогда проповедника, патера Андре, приличным тоном и основательным знакомством со Св. Писанием. Дю Плесси сознавал, однако, что уже вследствие молодости не может играть при дворе сколько-нибудь влиятельную роль. К тому же, обладая сравнительно очень небольшим состоянием, он понимал безнадежность соперничества с богатой аристократической молодежью, щеголявшей роскошными костюмами и экипажами. Двадцатитрехлетний епископ предпочел поэтому вернуться в свою епархию, причем занял для въезда в Люсон карету, лошадей и кучера у одного из своих приятелей, так как придавал большое значение представительности. Естественно, что он чрезвычайно тяготился бедностью, не позволявшей ему обзавестись соответственным штатом прислуги, порядочной мебелью и экипажами.

Вступив в управление епархией, дю Плесси сразу выказал большие административные способности. За какие-нибудь пять лет он не только отстроил заново церкви, разрушенные во время религиозных войн, но и обзавелся серебряной посудой, без которой человеку его сана и происхождения неприлично было, как он полагал, садиться за обед. Вместе с тем юный епископ обдумывал будущую свою карьеру и вырабатывал обстоятельный план действий на случай возвращения ко двору. Имея обыкновение письменно излагать мысли по особенно интересовавшим его вопросам, он составил тогда для себя самого подробную инструкцию, озаглавленную: “Наставления и правила, которыми я намерен руководствоваться, когда буду состоять при дворе”. Этот любопытный документ прекрасно очерчивает программу будущего великого кардинала.

Дю Плесси решил, что в первое время ;будет являться во дворце ежедневно, чтобы произвести таким усердием на короля желаемое впечатление. Потом можно посещать его величество и

пореже, например раз в неделю. “При этом необходимо принять во внимание, что королю нравятся лишь те из приближенных, которые обращаются с ним смело и свободно, не выходя, однако, из границ должного уважения. Надлежит почаще повторять королю, что только обстоятельства вынуждают меня ограничиваться оказанием маловажных услуг и что для верноподданного нет ничего трудного или невозможного на службе у такого доброго государя и такого великого монарха... Важнее всего наблюдать, откуда именно дует ветер и не мозолить королю глаза, когда он в дурном расположении духа”. Юный епископ, всесторонне обсуждая вопрос, каким образом надо держаться с королевскими любимцами и фаворитками, приходит к убеждению, что их следует посещать “ввиду необходимости приносить жертвы как добрым, так и злым богам: первым для того, чтобы помогали, последним – чтобы не делали зла”. При дворе следует “воздерживаться от многоглаголания и как можно внимательнее слушать, отнюдь не дозволяя себе принимать рассеянного, равнодушного или меланхолического вида; напротив того, надо выказывать живейшее сочувствие к предмету, о котором идет речь, но проявлять это сочувствие более вниманием и молчанием, чем словами, или жестами одобрения. Особенно важно заручиться расположением таких служащих, которые в чем-либо могут пригодиться”. К числу их принадлежат, между прочим, почтальоны. “Письма, которые опасно сохранять, следует немедленно сжигать” и т.п. В заключение дю Плесси рассматривает случаи, когда “необходимо прибегать к притворству и лести”.

Тем временем Генрих IV пал от руки убийцы (14 мая 1610 года), и люсонскому епископу пришлось ехать в Париж, чтобы присягнуть на верность королеве-регентше Марии Медичи. Полгода спустя он вернулся опять в свою епархию. Материальное его положение хотя несколько и улучшилось, но все-таки он продолжал нуждаться в деньгах. В 1614 году Мария Медичи созвала генеральные штаты, и дю Плесси снова прибыл в Париж в качестве депутата от духовенства. Во время совещаний он, несмотря на молодость, сумел приобрести до такой степени доверие сотоварищей, что ему было поручено представить королю в день открытия заседаний докладную записку от лица всего духовного сословия. Люсонский епископ обратился при этом к Людовику XIII с речью, свидетельствовавшей как об его ораторских способностях, так и о решимости не пренебрегать никакими средствами для достижения намеченной цели. Вся Франция была в то время возмущена правлением Марии Медичи и ее фаворита, итальянца Кончини, пожалованного без всяких

военных заслуг в маршалы. В совещаниях генеральных штатов депутаты жаловались на общую неурядицу и полное расстройство финансов. Уступчивость королевы-регентши по отношению к испанской политике вызывала общее неудовольствие.

Несмотря на это, Арман дю Плесси в своей речи осыпал Марию Медичи и ее систему управления государством незаслуженными похвалами. Речь эта послужила первой ступенью к будущей политической карьере люсонского епископа, так как юный король и регентша с благосклонным вниманием выслушали оратора. Мария Медичи не замедлила вознаградить ревностного своего апологета. В начале 1616 года Ришелье был назначен штатным священником при дворе молодой королевы Анны Австрийской и поселился в Париже, где купил себе дом против церкви монастырского подворья Blancs-Manteaux; в том же году он был зачислен в государственный совет и назначен секретарем в кабинет Марии Медичи, удостоившей избрать молодого, изящного и ловкого епископа своим фаворитом. Материальное положение Ришелье значительно улучшилось, так как ему ассигновали 6 тысяч ливров (10 тысяч рублей) на расходы “по служебному положению”.

Тем временем между гугенотами происходили серьезные волнения, начавшиеся тотчас же по обнародовании манифеста о предстоявшем бракосочетании Людовика XIII с Анной Австрийской и сестры его, принцессы Елизаветы, с принцем Филиппом Испанским. К недовольным примкнули многие влиятельные вельможи, желавшие воспользоваться этим случаем, чтобы низвергнуть ненавистного им Кончини.

В это смутное время Кончини возложил на дю Плесси сперва конфиденциальные переговоры с герцогом Неверским, а затем поручил ему же портфель военного министерства и министерства иностранных дел с годовым окладом в 17 тысяч ливров (30 тысяч рублей). Сан епископа обеспечивал ему председательство в государственном совете. Всемогущий в то время Кончини и его жена покровительствовали дю Плесси, перед которым открывалась тогда уже, по-видимому, самая блестящая карьера, но судьба решила иначе.

Глава II. Первое министерство Ришелье. – Опала. – Кардинальская шапка. Вторичное вступление в министерство

Без сомнения, никто не подозревал, что новый министр, достигший власти при помощи испанской партии, сделается со временем самым опасным противником Габсбургов. Действительно, в 1616 году Ришелье так пламенно разделял симпатии Марии Медичи и Кончини, что посол Филиппа III отзывался о нем как о самом искреннем стороннике Испании. На этот раз люсонский епископ недолго держался в министерстве и не успел ознаменовать свое управление никакими важными мероприятиями. Деятельность его как военного министра была парализована недостатком в деньгах, доходившим до того, что перед самой катастрофой 24 апреля 1617 года он принужден был выдать из собственных средств 3 тысячи рублей для уплаты жалованья войскам.

В качестве министра иностранных дел Ришелье деятельно хлопотал о заключении союза с протестантскими государствами, чтобы лишить мятежных французских католиков и протестантов убежища за границей. “Суть дела не в религии, а в неповиновении, – писал люсонский епископ, – король желает одинаково относиться ко всем своим подданным без различия исповеданий, но вместе с тем требует, чтоб и католики и протестанты не уклонялись от исполнения верноподданнических обязанностей”.

24 апреля 1617 года капитан королевских телохранителей Витри, получив приказание арестовать Кончини, убил его во дворце, после чего Людовик XIII вступил сам в управление государством. Накануне, вечером, люсонский епископ получил анонимное письмо, в котором его извещали о заговоре против Кончини. Ришелье сперва задумался, а потом положил письмо под подушку и заснул. Понимая, что душою заговора был сам король, он считал опасным для себя вмешиваться в дело и даже не нашел нужным предупредить своего “друга и благодетеля” о надвигавшейся грозе. Новое министерство, составленное герцогом Люином, следовало политике Генриха IV, прямо противоположной видам Марии Медичи и Ришелье.

Спустя всего лишь несколько часов после трагической смерти Кончини, Ришелье явился в Лувр, чтобы участвовать в заседании

государственного совета, но получил от короля повеление удалиться от двора и более не вмешиваться в государственные дела.

– Наконец-то мы избавились от вашей тирании! – воскликнул Людовик XIII, не подозревавший, что вскоре безропотно ей подчинится.

При таких обстоятельствах опальному епископу не оставалось иного выбора, как разделить изгнание королевы-матери в Блуа и ожидать там вместе с ней лучших времен. Впрочем, он предварительно навестил нового премьера Люина, поздравил его и уверил, будто едет с бывшей регентшей, “чтобы подавать ей благие советы и доносить о всех ее намерениях и поступках”. Однако присутствие в Блуа такого ловкого дипломата, как Ришелье, начало беспокоить короля и Люина. Люсонскому епископу велено было вернуться в свою епархию. Ришелье немедленно повиновался и как будто совершенно погрузился в богословские исследования. Поселившись в аббатстве Куссе, он написал объемистое сочинение под заглавием “Защита главных положений католического исповедания против докладной записки, поданной на высочайшее имя четырьмя шарантонскими пасторами”. Сочинение это доставило ему репутацию одного из самых выдающихся апологетов католицизма. Но эти богословские занятия не удовлетворяли честолюбивого прелата. Он обратился к королю с всеподданнейшей просьбой, в которой уверял в неизменной преданности своей престолу и отвращении от политических интриг. Несмотря на эти уверения, король и первый министр имели основание подозревать люсонского епископа в тайных сношениях с Марией Медичи и выслали его из французских пределов в Авиньон. Тем временем, бывшая регентша самовольно удалилась из Блуа в Ангулем и начала набирать там войска, начальство над которыми поручила герцогу Эпернону. Франции угрожала междоусобная война. Ввиду такого критического положения Людовик XIII вызвал Ришелье из Авиньона и отправил в Ангулем к королеве-матери. Люсонский епископ добился желаемого соглашения, но оно оказалось непрочным и через год междоусобная война возгорелась с новой силой. Только после поражения армии королевы при Пон-де-Се удалось примирить Марию Медичи с сыном. В награду за это Людовик XIII обещал исходатайствовать у Павла V кардинальскую шляпу для Ришелье. Мир между королем и его матерью был скреплен женитьбой племянника герцога Люина на племяннице люсонского епископа. Свадьбу торжественно отпраздновали в покоях молодой королевы, а брачный контракт был подписан в Лувре в кабинете

королевы-матери. Тем не менее, только смерть Люина возвратила Марии Медичи прежнее влияние и доставила Ришелье возможность вступить в государственный совет. Не доверявший ему Людовик XIII, по настояниям Люина, просил папу не обращать внимания на представления французского посла о возведении люсонского епископа в сан кардинала.

Герцог Люин никогда не командовал армиями, но тем не менее состоял в чине коннетабля, то есть генералиссимуса. Он по своей бесхарактерности и опрометчивости был как нельзя более под стать самому королю и вместо того, чтоб энергически противодействовать замыслам Испании и Австрии, помогал их осуществлению, вызвав междоусобную войну в самой Франции. По совету своего премьера Людовик XIII нарушил статью Нантского эдикта, оставлявшую в руках беарнских гугенотов захваченное ими во время религиозных войн католическое церковное имущество. Гугеноты взялись за оружие. Сам король двинулся на них с армией, предводимой шестью маршалами, и обложил укрепленный протестантами город Монтобан, но вынужден был снять осаду и отступить. Неудачный исход кампании подорвал авторитет герцога Люина в глазах короля. Это так подействовало на герцога, что он умер, как уверяют, “от тревоги и огорчения”.

После него во главе министерства стал принц Конде, вскоре утративший, однако, расположение Людовика XIII. Напротив того, Мария Медичи, следуя советам Ришелье, мало-помалу вернула себе доверие сына. По ее настояниям люсонский епископ получил наконец в 1622 году давно обещанную кардинальскую шляпу и вскоре после того отказался от люсонской епархии. Высокомерие принца Конде сильно раздражало его сотоварищей по министерству. Король, в свою очередь, был недоволен безуспешностью все еще продолжавшейся войны с гугенотами. Мария Медичи приобретала, благодаря этому, все большее значение в государственном совете. Сблизившись с влиятельнейшими из министров, королева-мать обещала им не допускать кардинала Ришелье до непосредственного участия в государственных делах, после чего министры Брюлар и Пюизье открыто приняли ее сторону.

Ришелье тем временем благоразумно стушевался, чтобы не возбуждать подозрения в министрах, чувствовавших в нем опасного соперника.

Следуя программе действий, начертанной ее фаворитом, королева-мать всячески старалась щадить самолюбие царственного своего сына, который, постоянно нуждаясь в опеке, имел вместе с тем, подобно большинству бесхарактерных людей,

большие притязания на самостоятельность.

Когда принц Конде совершенно утратил доверие короля, прочие министры, по соглашению с Марией Медичи, убедили Людовика XIII пригласить в государственный совет маркиза Вьевилля. Новый министр начал с того, что уговорил короля сформировать новый кабинет. Отставка прежнего министерства была окончательно решена на конфиденциальном совещании между королем, его матерью, Вьевиллем и Ришелье. Вьевилль стал первым министром, но Людовик XIII был еще слишком предубежден против Ришелье, так что не дозволил включить его в состав кабинета. Тем не менее, честолюбивый кардинал был вполне уверен, что благодаря поддержке королевы-матери будет в самом непродолжительном времени призван к кормилу правления. Действительно, вскоре выяснилось, что Вьевилль не в силах справляться с возраставшими усложнениями внутренних государственных дел и внешней политики.

Людовик XIII не отличался блестящим умом, но, тем не менее, обладал достаточной дозой здравого смысла, чтоб понимать необходимость для Франции противиться всякому дальнейшему усилению могущества Испании и Австрии. Обе эти державы, монархи которых были соединены тесными родственными узами, действовали с таким единодушием, как если б представляли собою одно неразрывное целое. К счастью для Европы, между австрийскими и испанскими владениями существовала чересполосность, препятствовавшая армиям Филиппа III и Фердинанда II соединиться в одну подавляющую громаду вооруженных сил. С целью устранения этой чересполосности, испанцы решили завладеть Вальтелинской долиной, лежащей между озером Комо и Тиролем. Долина эта, населенная по преимуществу католиками, находилась в вассальной зависимости от Граубюнденских кантонов, отличавшихся своей приверженностью к Реформации. Губернатор испанских владений в Италии, герцог Ферия, пользуясь религиозной враждой между католиками и протестантами, убедил вальтелинцев прибегнуть к покровительству Испании, ввел в долину испанские войска и построил там несколько укреплений. Таким образом, ему удалось установить прямое, хотя и не особенно удобное сообщение между испанскими и австрийскими владениями.

Франция ограничивалась одними только протестами против этого захвата. Испанское правительство, убежденное в том, что французские протесты не будут поддержаны объявлением войны, оставляло их без внимания. Вместе с тем, однако, оно всячески старалось поддерживать неурядицу во Франции и не жалело

денег на субсидии вождям беспрерывно возгоравшихся там восстаний против королевской власти.

Падение ла Вьевилля значительно ускорил памфлет, озаглавленный “Голос общества к королю”. Автор этого памфлета, аббат Фонкан Болье, состоял в близких сношениях с Ришелье, зачастую прибегавшим к его перу для распространения печатных пасквилей против министров. Кардиналу было известно, что Людовик XIII охотно читал такие пасквили и принимал их до известной степени во внимание. Фонкан в своем памфлете, написанном в сотрудничестве с самим Ришелье, обвинял Вьевилля в лихоимстве, превышении власти и прямом неповиновении королю. Вместе с тем, он указывал на кардинала как на единственного человека, способного вывести Францию из затруднительного положения.

ГЛАВЫ III – IV

Глава III. Отношение ришелье к Людовику XIII и его приближенным

Неизвестно в точности, когда именно Ришелье успел вкрасться в доверие Людовика XIII. Во всяком случае это произошло в промежуток между апрелем и августом 1624 года. Действительно, 26 апреля король, под влиянием упомянутого уже памфлета и настояний своей матери, лишь неохотно пригласил Ришелье в государственный совет, а 13 августа кардинал фактически занимал уже пост первого министра. Что касается ла Вьевилля, то он был арестован и заключен в замок Амбуаз.

К тому времени в политических воззрениях Ришелье произошла радикальная перемена. В качестве фаворита Марии Медичи и министра в кабинете Кончини он был ревностным сторонником союза с Испанией. Сообразив затем, что несравненно выгоднее опереться на короля, он быстро произвел перемену фронта, безусловно присоединился к политической программе Людовика XIII и сделался самым энергическим противником испанской гегемонии. Воспользовавшись влиянием королевы-матери, чтобы попасть в министерство, и заручившись доверием короля, политическую мудрость которого беспрерывно восхвалял, Ришелье, естественно, вызвал против себя неудовольствие прежней своей покровительницы.

Людовик XIII, по-видимому, серьезно приписывал себе честь обращения кардинала Ришелье на путь истинно национальной французской политики. Уверенность эта, которую честолюбивый и умный кардинал тщательно старался поддерживать, значительно упрочила его положение при дворе.

В своем политическом завещании Ришелье говорит: “Я обещал королю употребить все мои способности и все средства, которые ему угодно будет предоставить в мое распоряжение, на то, чтобы уничтожить гугенотов как политическую партию, ослабить незаконное могущество аристократии, водворить повсеместно во Франции повиновение к королевской власти и возвеличить Францию среди иностранных держав”.

В письме к Людовику XIII, помеченном 1626 годом, Ришелье мог уже указать на достигнутые им благоприятные результаты. Он говорит: “Если Богу угодно будет продлить мою жизнь еще на полгода или более, то я умру спокойно. Гордость Испании будет сокрушена, гугеноты покорены, между членами королевской фамилии восстановится единодушие, имя же вашего величества прославится всюду”.

Изучив до тонкости характер Людовика XIII, ловкий кардинал постоянно выставлял себя лишь хорошим исполнителем предначертаний монарха. Являясь к королю с докладом, он никогда не навязывал открыто своего, мнения, но излагал обстоятельства дела так, что Людовик XIII, как будто иногда даже вопреки своему министру, принимал решение, вполне соответствовавшее его видам. Если Ришелье удалось, несмотря на все многочисленные направленные против него интриги, сохранить расположение и доверие короля, то именно лишь благодаря умению сообразовать свое поведение с характером Людовика XIII. Задача эта была весьма трудною, так как король не отличался особенной деликатностью и мягкосердечием в обращении с не нравившимися ему министрами, особенно же если их можно было заподозрить в желании им руководить. Зная это, Ришелье не упускал удобного случая польстить самолюбию короля и неоднократно говорил: “Ваше величество по отношению к правильности суждений первый во всем нашем государственном совете”.

Заметив, что король, ввиду единодушного ходатайства всего своего двора, колеблется подписать смертный приговор Бутвиллю, нарушившему закон, которым воспрещались поединки, Ришелье сказал: “Вашему величеству предстоит теперь отрубить голову поединкам, или собственному своему указу”. Как и следовало ожидать, король немедленно утвердил приговор, которого добивался Ришелье в сущности для того, чтобы застращать интриговавшее против него высшее французское дворянство.

Иногда, впрочем, кардинал, ссылаясь на верноподданническое усердие, позволял себе делать Людовику XIII резкие замечания. Так, в январе 1629 года он, в присутствии королевы-матери и королевского духовника, патера Сюффрена, прочел своему монарху строжайшую нотацию. Изложив сперва программу внутренней и внешней политики и напомнив, что эта программа исходит от самого короля, Ришелье объявил, что она может быть выполнена лишь в том случае, если его величество исправится от многочисленных своих недостатков, а именно от подозрительности, зависти, чрезмерной поспешности в решениях и склонности руководствоваться в симпатиях и антипатиях минутными капризами. Ришелье указал королю на неуместность увлекаться чувством зависти к родному брату. Он советовал уступать принцу Гастону каждый раз, когда это не может повлечь за собою вреда для государственных интересов, но воздерживаться от всяких уступок, способных нанести ущерб королевскому достоинству, причем предложил королю быть

вообще сдержаннее в речах и не говорить ничего такого, что могли бы истолковать в смысле, оскорбительном для августейшего его брата. Королю следовало также, по словам Ришелье, “или управлять самому ходом государственных дел, или же препоручить заведование ими всецело лицу, к которому он имеет полное доверие. Чувство зависти короля к своим уполномоченным является, так сказать, завистью к собственной тени, потому что они, подобно планетам, сияют лишь светом, заимствованным от солнца”. Само собой разумеется, что приветливость по отношению к вельможам и принцам являлась для короля обязательной, но при этом “никоим образом не следовало поощрять клевету, свирепствующую при дворах хуже чумы. Надо строжайше наказывать всякую попытку очернить в глазах короля верных его слуг. Королю не подобает забывать оказанные ему услуги. Одобрив какой-либо проект, необходимо поддерживать его до тех пор, пока он не будет вполне осуществлен”.

В заключение Ришелье увещевал короля настаивать на строгом выполнении указа против поединков. “Оставляя преступление безнаказанным и не пользуясь властью, полученной от Бога, монарх совершает великий грех. Государь, ведущий лично самую безгрешную жизнь, все-таки может попасть в ад за невыполнение с должной строгостью монарших своих обязанностей. Отправление правосудия должно быть вполне беспристрастным и нелицеприятным даже к тем, кто пользуется расположением короля. Виновным подобает во всех случаях нести заслуженное наказание. Королю приличествует щедро вознаграждать за оказанные ему услуги, чтобы не распространялась молва, будто он скорее строгий государь, чем милостивый, распущенная еще покойным герцогом Люином. Воля короля должна быть всегда разумною. Не следует с горячностью устремляться к чему-либо и тотчас же затем охладевать. Точно так же неуместно для короля держать себя так, чтобы ему осмеливались приписывать равнодушие к важным государственным делам. Надлежит обнаруживать к ним больший интерес и отзываться с похвалою о деятельности лиц, помогающих выполнению монарших предначертаний”.

Не подлежит сомнению, что в этом прочитанном Людовику XIII нравоучении нравственный облик короля изображен чрезвычайно меткими и характерными чертами. Чтобы смягчить резкость своей выходки, кардинал закончил ее покаянием в собственных грехах и недостатках, являвшимся, как и следовало ожидать, чем-то вроде замаскированного похвального слова самому себе. Указывая на многотрудные обязанности по

управлению государством и на слабое свое здоровье, кардинал молил о дозволении сложить с себя столь тяжкое бремя и удалиться от дел, пока не утратил еще доверие короля и августейшей его матери.

Маневр этот увенчался успехом. Выслушав речь кардинала с вниманием и терпением, король (как говорится в мемуарах Ришелье) объявил, что “непременно воспользуется указаниями своего министра, о выходе которого в отставку не может быть и речи”.

Помимо уважения к духовному сану Ришелье, Людовик XIII действительно нуждался в его услугах и совершенно искренно считал его незаменимым. Необходимо принять во внимание чрезвычайную болезненность короля, который умер всего только сорока двух лет от роду. Людовик XIII с молодых уже лет страдал хроническим катаром желудка. Он лечился все время слабительными и кровопусканиями, повлекшими за собою развитие сильнейшего малокровия, под влиянием которого характер его сделался меланхолическим, неустойчивым и раздражительным. Ощущая настоятельную потребность в друге, перед которым мог бы изливать свою душу, не стесняясь условиями придворного этикета, Людовик XIII не мог в собственной своей семье найти никого, способного выполнить эту роль. Родной брат короля, принц Гастон, отличался крайней бесхарактерностью, грубостью и безнравственностью, отталкивавшими от него Людовика, отношения которого к прекрасному полу были по преимуществу платоническими. Кроме того, принц Гастон постоянно участвовал в заговорах против державного своего брата и его правительства. К своей супруге Анне Австрийской, тоже принимавшей деятельное участие в большинстве этих заговоров, Людовик XIII питал величайшую антипатию, которую кардинал Ришелье всячески старался поддерживать.

Королева-мать, Мария Медичи, была женщиной с чрезвычайно тяжелым характером, мстительная, вспыльчивая и властолюбивая, несмотря на полнейшую неспособность к государственным делам. Вместе с тем она недолюбливала своего сына и отдавала явное предпочтение младшему.

Людовик XIII не имел фавориток в настоящем значении этого слова. Тем не менее Ришелье, оберегая свое влияние на монарха, зорко следил за девицами и дамами, возбуждавшими в сердце короля платоническую привязанность. Столь же тщательно надлежало ему наблюдать за фаворитами, которых выбирал себе король. Сперва Людовик XIII почувствовал расположение к Люину, который благодаря лишь этому счастливому случаю

попал в герцоги, коннетабли и первые министры. По смерти Люина место его занял молодой паж Барада. Вмешавшись в интриги против Ришелье, он был заменен сперва Сен-Симоном, а потом Сен-Марсом, сыном преданного Ришелье маршала Эффиа. Сам кардинал рекомендовал красавца-юношу королю, не замедлившему пожаловать нового фаворита, которому исполнилось всего только восемнадцать лет, в обер-шталмейстеры. Заносчивый и самоуверенный Сен-Марс, принявший после того фамилию Ле Грана, позволял себе, однако, обращаться весьма неуважительно даже с самим королем. Людовик XIII вынужден был жаловаться на дурной характер своего фаворита. “Я позволил себе упрекнуть его в лености, – пишет король кардиналу, – он же возразил мне, что каков есть, таким и останется. Я заметил тогда, что, во внимание к оказанным ему милостям, г-ну Ле Грану не следовало бы говорить со мной таким тоном, он же отвечал, что не нуждается в моих благодеяниях и прекрасно обойдется без них”.

Ришелье помирил тогда Людовика XIII сфаворитом, но Сен-Марс обиделся таким вмешательством. Вскоре после того он задумал устроить государственный переворот, умертвить кардинала и занять место первого министра. Сколько можно судить, Людовик XIII в беседах с фаворитом зачастую жаловался на Ришелье и говорил, что был бы очень рад, если бы кто-нибудь избавил его от “визиря”, забравшего всю власть себе в руки. Юный Сен-Марс придал слишком серьезное значение словам, вырвавшимся у короля под влиянием болезненного раздражения, и поплатился за это головою. С другой стороны, однако, имеются основания полагать, что если бы фавориту удалось привести в исполнение задуманный план, то Людовик XIII мог бы примириться с совершившимся фактом. Кардинал Ришелье знал, что на короля позволительно надеяться лишь при условии самому не плошать, а потому, одновременно с заботами о государственных делах, вынужден был, в интересах самозащиты, внимательно следить за всеми придворными интригами и отвечать на них соответственными шахматными ходами.

Великому кардиналу приходилось остерегаться также и духовников Людовика XIII. Король был человеком очень набожным и чрезвычайно опасался попасть в когти к дьяволу. Духовники поэтому всегда оказывали на него большое влияние, почти ускользавшее от всякого контроля со стороны Ришелье. Между тем они зачастую употребляли это влияние во вред кардиналу. Один из них, иезуит Коссен, вздумал даже потребовать на исповеди от короля удаления Ришелье от кормила правления. Бесхарактерный король, испуганный угрозами и

увещеваниями своего духовника, изъявил согласие расстаться с премьером, если Коссен приищет на место Ришелье кого-либо другого, заслуживающего доверие. Иезуит после некоторого колебания остановил свой выбор на герцоге Ангулемском, который, однако, усомнился в искренности сделанного ему предложения. Опасаясь какого-нибудь подвоха, он предпочел донести обо всем кардиналу, который вместе с ним тотчас же отправился к королю. Результатом этого объяснения было отрешение патера Коссена от должности королевского духовника.

Опаснейшим противником Ришелье при дворе Людовика XIII была, однако, без сомнения королева-мать. Мария Медичи преследовала бывшего своего любимца с чисто женской беззаветной страстностью и настойчивостью. Враждебность эта приняла особенно ожесточенный характер после того, как Ришелье удалось оттеснить королеву-мать от непосредственного участия в управлении государством. Властолюбивая мстительная итальянка не останавливалась ни перед какими средствами в стремлении вернуть себе первенствующую роль и покарать неблагодарного честолюбца, обязанного ей своим возвышением. Борьба с этой противницей была тем труднее для кардинала, что в решающие моменты Мария Медичи прибегала к родительским своим правам на короля. Задавшись целью удалить Людовика XIII из-под влияния Ришелье, она, опираясь на материнский свой авторитет, упрашивала сына не подвергать опасности и без того уже расшатанное здоровье и не дозволяла королю ехать в армию. Ришелье, в свою очередь, не расположен был оставлять короля в руках испанской партии и утверждал, что присутствие его в армии безусловно необходимо. Злополучный Людовик XIII положительно не знал, на что решиться. В большинстве случаев, однако, Ришелье удавалось одержать верх. Король, которому было приятно думать, что присутствие его в войсках действительно необходимо, соглашался с доводами кардинала и уезжал, поручив ему как-нибудь успокоить королеву-мать.

Брат короля, принц Гастон, также был для Ришелье весьма неудобным противником. Ришелье не считал его, впрочем, особенно опасным, так как знал, что этот избалованный, капризный и уверенный в своей безнаказанности маменькин сынок не обладал надлежащей энергией для серьезной борьбы и не пользовался ни малейшим авторитетом у Людовика XIII. Тем не менее, имя принца Гастона являлось знаменем, вокруг которого собирались недовольные внутренней и внешней политикой кардинала. Принц принимал деятельнейшее участие во всех заговорах и выходил всегда сухим из воды, так как, в качестве королевского брата и предполагаемого наследника

престола, не мог подлежать сколько-нибудь строгой каре. Гастон два раза уезжал за границу и открыто принимал сторону врагов Франции. Ришелье неоднократно пытался привлечь его в свой лагерь, но принц, поклявшись кардиналу в вечной любви и верной дружбе, на другой же день вступал опять против него в заговоры и объявлял его своим врагом. Вообще же принц Гастон отличался легкомыслием, граничившим с бессовестностью. После каждого неудачного заговора он испрашивал себе прощение, выдавая всех своих сообщников.

Супруга Людовика XIII, Анна Австрийская, видела в кардинале Ришелье злейшего врага венских и мадридских своих родственников, а потому, естественно, должна была примкнуть к его противникам. Ришелье, в свою очередь, преследовал ее самым беспощадным образом и всячески старался препятствовать ее сближению с мужем.

Анна Австрийская была замечательно хороша собою. Утверждают, что Ришелье был к ней сперва и сам неравнодушен. В мемуарах Бриана рассказывается по этому поводу следующий курьезный инцидент: “Королева со своей приятельницей, герцогиней Шеврез, были, как это свойственно вообще молодым женщинам, охотницы пошутить и посмеяться. Однажды им пришло в голову позабавиться над влюбленным кардиналом. Герцогиня пригласила Ришелье от имени королевы в собственные апартаменты ее величества. Кардинала уверили, будто королева, наслышавшись о его ловкости и грации, хочет посмотреть, как он танцует сарабанду, и посоветовали для большего эффекта нарядиться в шутовской костюм. Влюбленный министр вообразил, что ему удалось и на самом деле покорить сердце Анны Австрийской. Он, в сопровождении скрипача Боккаче, явился в назначенный час в комнату королевы, одетый в зеленый бархатный костюм с серебряными бубенчиками на пряжках и подвязках. Королева с несколькими придворными дамами и кавалерами скрывалась за ширмами, из-за которых можно было видеть все жесты и движения танцора. Сначала она сдерживалась, но под конец невольно разразилась громким смехом. Оскорбленный до глубины души кардинал тогда лишь сообразил, какую смешную роль заставили его разыгрывать. Он поклялся отомстить за отвергнутую любовь и сдержал слово”. История эта сама по себе не представляется особенно правдоподобной. Нельзя отрицать, однако, что она дает без всяких натяжек объяснение странному на первый взгляд ожесточению, с которым Ришелье преследовал злополучную королеву и побуждал Людовика XIII подвергать ее грубым, не всегда заслуженным оскорблениям.

Окончательный разрыв между Ришелье и обеими королевами

произошел, во всяком случае, на политической почве. Мария Медичи и Анна Австрийская стояли за союз с Италией и Австрией. Многочисленные в то время во Франции ревностные католики находили как нельзя более греховной политику Ришелье, поддерживавшего всюду за границей протестантов в борьбе против католицизма.

Глава IV. Интриги и заговоры против Ришелье

Враги Ришелье с Марией Медичи во главе вели сперва против него войну памфлетами, в которых возводили на кардинала всевозможные обвинения. Так, утверждали, будто он отравил кардинала Берюлла (занявшего его место в качестве интимного советника королевы-матери), замышлял истребить членов королевской фамилии и овладеть французским престолом, упрекали в равнодушии к интересам церкви и в готовности жертвовать ими ради благ мира сего. Необходимо заметить, впрочем, что и сам Ришелье, добиваясь власти, прибегал к совершенно таким же приемам в борьбе с Вьевиллем и другими министрами. Это не мешало ему обнаруживать болезненную чувствительность к ядовитым уколам, которыми изобиловали направленные против него памфлеты.

Враги кардинала не щадили и короля. Они изображали в своих пасквилях Людовика XIII простой марионеткой в руках властолюбивого и наглого визиря. Эти бестактные нападки на короля были чрезвычайно выгодными для Ришелье, так как побуждали Людовика XIII принимать все более энергическим образом сторону своего премьера против дерзких памфлетистов.

Ришелье содержал на собственном иждивении нескольких писателей, обязав их опровергать возводимые на него обвинения и пускать отравленные стрелы по адресу его противников. Впоследствии кардинал стал издавать для этой цели особую газету. Он, впрочем, не пренебрегал и более суровыми мерами для обуздания памфлетистов враждебного лагеря. Некоторые из них поплатились жизнью за свое усердие в нападках на кардинала, властно управлявшего судьбами Франции.

Убедившись, что памфлетами не удается потрясти доверия Людовика XIII к его первому министру, враги Ришелье решили прибегнуть к более действенным мерам. С 1626 года до самой смерти кардинала один заговор против него сменялся другим, причем в каждом заговоре мадридский кабинет играл более или менее деятельную роль.

Королева-мать не принимала участия в первом заговоре против Ришелье. Отношение Марии Медичи к прежнему ее фавориту были в то время еще довольно сносными, и она вполне разделяла его желание сочетать принца Гастона законным браком с принцессою Монпансье, самой богатой невестой во Франции. Напротив того, приближенные молодой королевы встретили

проект этого брачного союза весьма несочувственно. Анне Австрийской поставлено было на вид, что будущая герцогиня Орлеанская может, пожалуй, родить сына, и в таком случае приобретет при дворе большое влияние в ущерб бездетной королеве. Болезненное состояние Людовика XIII придавало большую правдоподобность гороскопам астрологов, предсказывавшим ему близкую смерть. Тогда Анне Австрийской можно было бы сохранить за собой французский престол, выйдя замуж за принца Гастона. Неизвестно, в какой степени убедительными казались эти доводы королеве. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что она задумала воспрепятствовать браку принца Гастона с девицей Монпансье и в присутствии нескольких свидетелей объявила герцогине Шеврез: “Браку этому не бывать!” К заговору примкнули: принц Гастон, побочные братья короля – принцы Вандомы, маршал Орнано и граф Шале. Заговорщики рассчитывали, что в решительную минуту сторону их примет почти вся французская аристократия, до чрезвычайности недовольная властным авторитетом Ришелье. Конечные цели заговора держались в секрете даже от самой Анны Австрийской. Она полагала, что имеется в виду лишь низложение кардинала. На самом деле, однако, решено было не только изгнать из Франции или же убить Ришелье, но вместе с тем свергнуть Людовика XIII с престола, заточить его в монастырь и провозгласить королем принца Гастона, предварительно женив его на Анне Австрийской. В случае неудачи в попытках овладеть особами короля и кардинала, принц Гастон рассчитывал, с помощью гугенотов и враждебных Ришелье вельмож, устроить вооруженное восстание, которому Испания и Австрия обещали оказать содействие людьми и деньгами.

Благодаря счастливой случайности кардинал своевременно узнал об угрожавшей опасности. Граф Шале в беседе с приятелем рассказал о намерении умертвить кардинала. Об этом было сообщено Ришелье, с пояснением, что премьер обязан спасением жизни именно самому графу. Объяснившись с неосторожным заговорщиком, кардинал признал возможным пощадить как его, так и принца Гастона, давшего при этом случае королю обещание жениться на девице Монпансье и полюбить Ришелье “всем сердцем”. Людовик XIII лично съездил в Блуа, чтобы арестовать побочных своих братьев Вандомов. Тем временем принц Гастон, изменив только что данному слову, начал деятельно готовиться к вооруженному восстанию, о чем кардиналу было немедленно донесено. Многие заговорщики, в том числе и граф Шале, нарушивший из любви к герцогине Шеврез клятву не вмешиваться более в интриги против кардинала, были

арестованы. Шале поплатился за вторичное участие в заговоре жизнью. Принц Гастон, в качестве ближайшего наследника престола, остался безнаказанным. Впрочем, он до такой степени струсил, что беспрекословно женился на принцессе Монпансье и выдал кардиналу всех своих единомышленников, не исключая и Анны Австрийской. В награду за такую откровенность король пожаловал Гастону герцогства Орлеанское и Шартрское, графство Блуа и большую пенсию, благодаря которой ежегодные его доходы стали превышать миллион ливров (около 2 млн. руб.).

Людовик XIII заставил свою супругу явиться на заседание государственного совета. Там с горькой усмешкой бросил он ей в лицо обвинение в том, что она, при жизни одного мужа, уже собиралась выйти за другого. Королева, пожимая плечами, возразила, что слишком мало выиграла бы при такой перемене, а затем залилась слезами и вышла. Над ней учрежден был строжайший надзор, и сверх того ей было запрещено в отсутствие короля принимать в своих апартаментах лиц мужского пола.

Кардинал Ришелье получил разрешение содержать для личной охраны стражу из пятидесяти мушкетеров. Впоследствии признано было необходимым увеличить численность ее до трехсот человек.

Четыре года спустя враги кардинала чуть было не одержали над ним верх. Ришелье убедил Людовика XIII принять начальство над действующей армией в Савойе. Мария Медичи, не ладившая уже в то время с кардиналом, решила не расставаться с сыном и доехала вместе с ним до Лиона. Там она отказалась следовать далее и объявила, что здоровье короля может подвергнуться большой опасности в зараженных чумою местностях, через которые должна была проходить французская армия. Обвиняя кардинала в готовности ради личных своих целей жертвовать драгоценной жизнью короля, она требовала, чтобы Людовик XIII, достигший уже тем временем Гренобля, немедленно вернулся в Лион. Король, уступая настояниям матери, действительно вернулся к ней из армии и захворал до такой степени серьезно, что Мария Медичи, Анна Австрийская и герцог Гастон начали уже считать себя полными хозяевами Франции. Они ошиблись, однако, в расчете, так как Людовик XIII совершенно неожиданно выздоровел. Тогда Мария Медичи, искусно сыграв роль нежной матери, выманила, при содействии Анны Австрийской, почти не отходившей от постели своего мужа, у больного короля обещание расстаться с Ришелье. Бесхарактерный король, по обыкновению, уступил слезным мольбам и упрекам своей матери и жены. Тем не менее, согласие его было вынужденное, и он на самом деле не собирался выполнять свое обещание.

По возвращении двора в Париж королева-мать не замедлила в этом убедиться. Вообще не отличаясь сдержанностью, она пришла в величайшее негодование и решила поставить ребром вопрос об отставке кардинала. Ришелье все еще занимал должность главного управляющего Марии Медичи, а его племянница Комбале числилась при ее особе старшей камер-юнгферой. Королева-мать отрешила их обоих от этих должностей, объявив им вместе с тем в весьма резкой форме свою немилость. Людовик XIII умолял свою мать хоть временно примириться с первым министром, обещая ей при первой возможности уволить Ришелье в отставку. Как будто соглашаясь уступить просьбам державного сына, она пригласила Ришелье и его племянницу явиться в Люксембургский дворец и обещала там с ними официально примириться. Не только сама Мария Медичи, но и все придворные думали, что Ришелье не сможет удержаться в должности первого министра. Апартаменты королевы-матери в Люксембурге наполнились посетителями, тогда как приемная кардинала совсем опустела.

В день, назначенный Марией Медичи для официального примирения с Ришелье, Людовик XIII пешком отправился в Люксембургский дворец, где застал свою мать за туалетом. Она начала совершенно спокойно беседовать с ним о государственных делах. В это время доложили о прибытии г-жи Комбале. Племянница кардинала смиренно упала к ногам Марии Медичи, прося о возвращении ей высочайшего благоволения. Королева-мать при виде бывшей своей камер-юнгферы пришла в такую необузданную ярость, что обрушилась на нее с грубой площадной бранью. Людовик XIII, для которого эта безобразная сцена была совершенно неожиданной, сперва пытался напомнить матери ее обещания, но, убедившись в невозможности прервать поток оскорблений, сыпавшихся из ее уст, вывел обливавшуюся слезами г-жу Комбале из уборной. Затем он вернулся к матери и снова принялся ее увещевать, напоминая, что племянница кардинала явилась во дворец по приглашению ее величества и что объяснение с ней должно было привести к совершенно иному результату. Мария Медичи оправдывалась, утверждая, что увлеклась ненавистью к г-же Комбале, присутствие которой в придворном штате навряд ли может быть признано безусловно необходимым для блага государства. “Иное дело кардинал, с ним, разумеется, я стану говорить совершенно иным языком”, – добавила она.

Вскоре затем явился и Ришелье. Преклонив перед Марией Медичи одно колено, он приветствовал ее изъявлением глубочайшей покорности и преданности. Мария Медичи прервала

речь кардинала милостивым приглашением встать, но бешеный ее нрав восторжествовал и на этот раз над благими намерениями. Королева-мать в конце своей беседы обошлась с Ришелье совершенно так же, как с его племянницей, то есть выгнала его из уборной, запретив когда-либо являться к себе на глаза. Кардинал вынужден был удалиться и считал дело свое окончательно проигранным. Собираясь уехать из Парижа, он приказал уже укладываться, но по совету преданных ему лиц, в том числе и Сен-Симона, состоявшего тогда фаворитом при Людовике XIII, явился вечером в тот же день к королю в Версаль. Король чрезвычайно милостиво принял своего первого министра, а на другой день победа, одержанная Ришелье над королевой-матерью, стала до такой степени очевидной, что придворные не замедлили снова откочевать из зал Люксембургского дворца в приемную Ришелье. Этот день, а именно 12 ноября 1629 года, носит название “journee de dupes” (дня обманутых), так как многие тогда горько ошиблись в расчетах. Некоторым из наиболее ревностных сторонников Марии Медичи пришлось дорого поплатиться за свою вражду к кардиналу. Сама королева-мать все еще, видимо, не хотела признать себя побежденной. Проведав, что король увлекся, насколько это было возможно при его религиозных опасениях и малокровном организме, одною из фрейлин своей супруги, девицей Готфор, Мария Медичи пыталась при ее содействии подорвать доверие Людовика XIII к первому министру. Попытка эта оказалась безуспешной, потому что король, благодаря физиологической неспособности сильно увлекаться особами прекрасного пола, не придавал большого веса просьбам и увещаниям предмета платонической своей страсти. Кардинал Ришелье воспользовался утомлением и раздражением, в которое приводили короля интриги его матери, для того чтобы окончательно удалить ее от двора. Уступая настояниям кардинала, Людовик XIII, находившийся со всем своим двором в Компьене, уехал оттуда тайком, на рассвете, со своей супругой, министрами и придворными. Маршал Этре остался при Марии Медичи с несколькими ротами гвардейцев в качестве почетного караула. Ей было предложено отправиться по желанию в Мулен, или в Анжер. Король изъявлял согласие предоставить ей в управление любую из областей: Бурбоне, или Анжу, по собственному ее выбору; но она не хотела и слышать о каком-нибудь компромиссе и решилась с помощью младшего своего сына, Гастона Орлеанского, поднять во Франции восстание. Ей самой чуть не удалось овладеть укрепленным городом Капелль, находившимся близ фландрской границы, но Ришелье, извещенный своими шпионами о сношениях ее с местным

комендантом, успел своевременно принять меры предосторожности. Королева-мать въехала уже в капелльское предместье, когда узнала, что в город прибыл всего лишь за несколько часов перед тем новый комендант. Видя свои замыслы разгаданными, Мария Медичи признала всего более благоразумным для себя удалиться за границу. Новый комендант мог бы, разумеется, этому помешать, но предпочел спокойно пропустить мимо крепости королеву и ее свиту. Весьма вероятно, что он выполнял полученную от Ришелье инструкцию и что Мария Медичи, удаляясь из Франции, куда ей не суждено уже было вернуться, сообразовалась без ведома и против желания с видами и предначертаниями своего врага.

Тем временем принц Гастон подготовил все уже к новому восстанию, к которому примкнули губернаторы областей: Прованса, Пикардии и Бурбоне. Убедившись в безуспешности мирных переговоров с братом, Людовик XIII двинул против него к Орлеану войска. Гастон вынужден был отступить в Бургундию, откуда бежал через Франш-Конте в Лотарингию. Король объявил сообщников своего брата виновными в государственной измене, но парижский парламент, в котором существовала тогда сильная партия, враждебная Ришелье, отказался занести эту резолюцию в протокол.

Непосредственным поводом к закончившейся так печально для Марии Медичи ссоре с кардиналом послужило опять разногласие по вопросу о приискании невесты принцу Гастону. Прожив всего лишь год с первой своей женою, принц овдовел. Мария Медичи хотела женить его на одной из своих итальянских родственниц. Анна Австрийская, в свою очередь, интриговала в пользу австрийской или испанской принцессы. Король, завидовавший брату, у которого от брака, продолжавшегося всего, только год, родилась уже дочь, объявил Ришелье, что незачем торопиться с поиском принцу Гастону невесты.

Несмотря на королевское запрещение, Гастон Орлеанский, радушно встреченный при дворе владетельного герцога Лотарингского, женился на его сестре, а затем уехал в Брюссель к королеве-матери, где вместе с нею заключил договор с Испанией. Мадридский кабинет обрадовался случаю вмешаться во внутренние французские дела, возбудив серьезное восстание против Ришелье и Людовика XIII. Заговорщикам удалось привлечь на свою сторону лангедокского губернатора, герцога Монморанси, обиженного тем, что король, по совету Ришелье, отказывался произвести его в чин коннетабля.

Чтобы устранить мятежников, кардинал предал суду сторонника Марии Медичи маршала Марильяка, сидевшего в

тюрьме с самого дня “обманутых”. Маршала обвинили в лихоимстве и отрубили ему голову. Эта суровая мера красноречиво свидетельствовала о решимости Ришелье не церемониться со своими противниками, но тем не менее не произвела на заговорщиков ожидаемого впечатления.

Принц Гастон, выступив из Лотарингии с отрядом, состоявшим преимущественно из испанцев, немцев, итальянцев и бельгийцев, благополучно пробрался в Лангедок, где соединился с герцогом Монморанси. Людовик XIII и Ришелье вступили тем временем с многочисленной армией в Лотарингию, взяли Нанси и в продолжение недели окончили там войну. Счастье благоприятствовало королевским войскам и в Лангедоке. В битве близ Кастельнодари герцог Монморанси, отличавшийся геройским мужеством, был опасно ранен и взят в плен. Несмотря на единодушное заступничество всего двора и на блестящие заслуги самого Монморанси, он был приговорен к обезглавлению и приговор этот был исполнен над ним в Тулузе.

Главный зачинщик заговора, принц Гастон, видя, что дело принимает неблагоприятный оборот, изъявил покорность королю и кардиналу, выдал своих сообщников и вымолил себе помилование на самых унизительных условиях.

На обратном пути из Тулузы Ришелье заболел, вследствие чего ему пришлось пробыть довольно долго в Бордо. Пользуясь отсутствием кардинала в Париже, Мария Медичи поручила своим сторонникам похитить г-жу Комбале и привезти ее в Брюссель. В случае, если бы похищение удалось, планировалось держать племянницу кардинала в плену до тех пор, пока Ришелье не согласится на возвращение королевы-матери во Францию. Попытка эта не увенчалась успехом и только еще более раздражила Людовика XIII. Король писал г-же Комбале, что если бы ее действительно увезли в Брюссель, то он сам, во главе пятидесятитысячной армии, отправился бы туда выручать ее из плена.

Беспрерывно интригуя в самой Франции против короля и его премьера, Мария Медичи и принц Гастон не стеснялись высказывать свое несочувствие внешней политике кардинала. Они открыто принимали сторону Испании и Австрии, с которыми в то время Франция вела неофициальную войну. Королева-мать отмечала иллюминацией всякую победу имперских войск над шведами, с которыми Франция состояла в союзе. Вместе с тем она из-за границы деятельно руководила покушениями на жизнь кардинала. Зная об этих покушениях, Людовик XIII советовал Ришелье не особенно доверять безвредности фруктов и дичи, присылаемых хотя бы даже из королевского дворца. Особенно

многочисленными сделались злоумышления на жизнь Ришелье с 1636 года, когда произошел формальный разрыв между Испанией и Францией. Самым опасным из них следует признать амьенское. Испанским войскам, вторгшимся в Пикардию, удалось в первое время одержать там кое-какие победы и, между прочим, овладеть укрепленным городом Корби. Людовик XIII и кардинал Ришелье немедленно осадили этот город, имевший весьма важное стратегическое значение. Принц Гастон и граф Суассонский дали мадридскому кабинету тайное обещание помешать успеху осады. По соглашению с четырьмя фаворитами принца, признано было самым надежным для этого средством убить кардинала. Гастону оставалось только подать сигнал, по которому злоумышленники, окружившие уже кардинала, безотлагательно бы его умертвили. Принц, вообще не отличавшийся решимостью, совершенно растерялся и, к удивлению своих сообщников, не подал им условного знака. Благодаря этой счастливой случайности, Ришелье, находившийся на волос от смерти, уцелел. После взятия Корби принц Гастон и граф Суассонский, узнав, что кардинал получил уже некоторые сведения о заговоре, поспешили бежать за границу.

Известно, что супруга Людовика XIII, Анна Австрийская, не сочувствовала внешней политике своего мужа. Несмотря на то, что Франция находилась в войне с Испанией и Австрией, королева поддерживала деятельную переписку с мадридским и венским дворами. Ришелье, заручившись полномочиями от Людовика XIII, учредил над ней тайный надзор. Вскоре после взятия Корби шпионам кардинала удалось перехватить целый пакет собственноручных писем Анны Австрийской, адресованный на имя герцогини де Шеврез. Ввиду явных улик королева вынуждена была сознаться в своих сношениях с испанским двором, но утверждала, будто имела при этом единственною целью побудить его к скорейшему заключению мира. Вместе с тем она просила прощения у Людовика XIII и клялась не переписываться более с врагами Франции. Трудно сказать, сдержала ли Анна Австрийская эту клятву, но во всяком случае кардиналу более не удавалось поймать ее с поличным.

В 1637 году граф Суассонский, получив от короля помилование, вернулся во Францию и поселился в городе Седане, принадлежавшем герцогу Бульонскому. Город этот не замедлил стать очагом новых заговоров, которые в 1641 году привели к вооруженному восстанию, сразу принявшему грозные размеры. Во главе мятежников стояли граф Суассонский и герцог Бульонский, к которым примкнула большая часть французской аристократии. Кроме того заговорщикам обещана была поддержка Испанией,

Австрией и герцогом Лотарингским. Действительно, к войскам, собранным графом Суассонским, присоединился семитысячный вспомогательный имперский отряд. Армия, посланная Людовиком XIII против мятежников, была разбита наголову под Марфе, но счастье, всегда благоприятствовавшее кардиналу Ришелье, не изменило ему и в этом случае. Граф Суассонский тотчас же после одержанной победы пал от руки неизвестного убийцы. Людовик XIII, собиравшийся уже уступить мятежникам и уволить Ришелье в отставку, почувствовал после этой катастрофы еще большее уважение к кардиналу. Защитники Ришелье утверждают, будто граф Суассонский застрелился сам. В таком случае он оказался бы достойным прототипом гоголевской унтер-офицерши, которая сама себя высекла. Дорога к Парижу была ему открыта и к тому же фаворит Людовика XIII, Сен-Марс, сочувствовавший заговору, положительно удостоверял в собственноручных письмах, что король ищет только благовидного предлога отделаться от не в меру притязательного опекуна, каким являлся зачастую для него Ришелье. Пуля, сразившая графа Суассонского, нанесла смертельный удар восстанию, душой и руководителем которого он был. Герцог Бульонский поспешил вступить в переговоры с королем и получил благодаря этому полное помилование. Остальные главные зачинщики бежали за границу. Замечательно, что принц Гастон на этот раз, по-видимому, не участвовал в восстании. На следующий же год, однако, он, заручившись от Испании обещанием солидной поддержки, составил вместе с Сен-Марсом новый обширный заговор. Фаворит короля боялся, что должен будет дорого поплатиться за свои сношения с графом Суассонским, сведения о которых, как он имел основание предполагать, дошли уже до Ришелье. Поэтому он взял на себя почин заговора, который не удался лишь потому, что Сен-Марс, принц Гастон и герцог Бульонский заключили с Испанией сделку, чрезвычайно невыгодную для Франции. Ришелье сумел добыть копию этой сделки. Представив ее Людовику XIII, он убедил короля, что успех интриги должен был бы повлечь за собою для Франции самые нежелательные последствия.

Враги Ришелье прямо утверждают, что душою заговора был на этот раз сам король, неоднократно намекавший Сен-Марсу на возможность освободиться от Ришелье тем же способом, каким освободился при содействии Люина от Кончини. Фаворит объявил королю о своем намерении убить кардинала. Людовик XIII не счел нужным предупредить первого своего министра об угрожавшей опасности. Говорят даже, будто король свел Сен-Марса с Ришелье и вышел сам из комнаты, предоставляя, таким

образом, фавориту удобный случай покончить с кардиналом. У Сен-Марса не хватило, однако, на это решимости.

Сам Людовик XIII в письме на имя государственного канцлера, переданном в комиссию, которой поручено было судить Сен-Марса, показывает:

“Справедливо, что господин Сен-Марс видел иногда мое недовольство любезным моим кузеном, кардиналом Ришелье. Недовольство это вызывалось опасением, что кардинал, заботясь о моем здоровье, не позволит мне принять участие в осаде Перпиньяна или иными подобными же причинами. В таких случаях г-н Сен-Марс всячески старался возбудить меня еще более против моего кузена кардинала. Когда враждебное его настроение не выходило из границ некоторой умеренности, я иногда не прекословил; когда, однако же, г-н Сен-Марс забылся до того, что стал говорить о необходимости отделаться от моего кузена кардинала и предложить для этого лично свои услуги, дурные его замыслы возбудили во мне ужас и отвращение. Знаю, что вы мне поверите на слово, но, впрочем, каждый поймет, что ничего иного и быть не могло, так как если бы г-н Сен-Марс встретил с моей стороны одобрение дурным своим замыслам, то ему незачем было бы заключать с испанским королем договор, направленный в ущерб мне и моему государству. Очевидно, что он подписал этот договор, лишь отчаиваясь достигнуть иным путем цели своих стремлений”.

Немудрено, что при таких обстоятельствах кардинал Ришелье стал еще более заботиться о личной своей безопасности. Даже являясь во дворец к королю, он брал туда с собою отряд верных телохранителей.

Как уже известно, Сен-Марс поплатился за этот заговор жизнью. Герцог Орлеанский, по обыкновению, выдал всех соучастников, упрашивая лишь, чтобы его избавили от очных ставок с ними. Этот заговор против Ришелье был последним, так как в декабре того же года кардинал, влияние которого на короля достигло своего апогея, умер.

Если бы Людовик XIII походил по темпераменту на своих преемников, Людовика XIV или же Людовика XV, то Ришелье навряд ли удалось бы так успешно бороться с направленными против него интригами. К счастью для кардинала, Людовик XIII был человеком совершенно иного пошиба. Несмотря на платонический характер привязанностей, которые возникали у него иногда к той или другой из придворных фрейлин, он всегда относился к своим чувствам с крайним недоверием, опасаясь впасть в смертный грех. Искусно играя на этой струнке, кардинал мог по своему усмотрению руководить отношениями короля к

предметам его страсти. Убежденный в готовности девицы Готфор играть роль послушного его орудия, Ришелье поощрял Людовика XIII ухаживать за красавицей-фрейлиной и утверждал, что не видит в этом невинном ухаживании ни малейшей опасности для души своего монарха. Заметив, однако, что фаворитка короля держит сторону королевы, ловкий кардинал тотчас же произвел перемену фронта и стал рисовать перед Людовиком XIII картину адских мук, которые ожидают в загробной жизни грешивших против седьмой заповеди, хотя бы даже только помышлением. Воспользовавшись затем легкой размолвкой, которая произошла после этого между королем и предметом его страсти, Ришелье посоветовал Людовику XIII выбивать клин клином и, короче, познакомиться с другой хорошенькой фрейлиной, девицей Ла Файет, чтоб парализовать таким образом влияние красавицы Готфор. Интрига эта, однако, чуть не привела к последствиям, совершенно нежелательным для самого кардинала. Кроткая и скромная Ла Файет, племянница капуцина Жозефа, пришлась очень по вкусу королю и почувствовала сама к нему сердечное влечение. Будучи девушкой чрезвычайно религиозной и нравственной, она перепугалась до того, что, несмотря на увещания королевского духовника, иезуита Коссена, удалилась в монастырь. Король пришел в такое отчаяние, что проливал горькие слезы и несколько раз с разрешения своего духовника навещал молодую монахиню, но она во время этих свиданий упрашивала своего возлюбленного вернуться к Анне Австрийской. Не подлежит сомнению, что если бы Ла Файет пожелала сыграть роль восстановительницы европейского мира, которую ей предназначал патер Коссен в своей интриге против Ришелье, то кардинал был бы низвергнут с поста первого министра.

Как бы то ни было, после двухлетнего увлечения девицей Ла Файет Людовик XIII принялся снова ухаживать за девицей Готфор. Опасаясь, что она приобретет над королем слишком большое влияние, Ришелье посоветовал ему “ради спасения души” выслать очаровательную фрейлину недели на две из Парижа. Король согласился с благоразумием такого совета и, сознавая собственную слабохарактерность, запретил допускать девицу Готфор в свои апартаменты. Ей удалось, однако, проникнуть в кабинет короля. Подавая Людовику XIII указ о высылке своей из Парижа, она спросила: “Неужели вы сами, государь, подписали это декрет?” Король пришел в чрезвычайное смущение и начал оправдываться, ссылаясь на необходимость временной разлуки. “Разлука эта будет вечной”, – возразила девица Готфор, делая королю прощальный реверанс. Действительно, она с тех пор никогда уже не виделась с Людовиком XIII, который, со своей

стороны, скоро утешился, заинтересовавшись новым фаворитом, Сен-Марсом.

Глава V. Внутренняя и внешняя политика кардинала

Если бы кардинал Ришелье не обладал выдающимися способностями к борьбе с самыми хитросплетенными интригами и заговорами, то одни лишь придворные ковы[1] должны были бы отнять у него целиком все время. Пребывание его у кормила правления оказалось бы тогда столь же безрезультатным, как и деятельность его предшественников – Кончини и герцога Люина. К счастью для Франции и Европы, в слабом теле Ришелье жил мощный дух. Сознавая, что надежнейшим средством сохранить за собою пост первого министра является выполнение политической программы Генриха IV, которую Людовик XIII в принципе вполне одобрял, Ришелье деятельно работал над ее осуществлением. Он обещал королю укрепить внутри государства авторитет верховной власти и возвеличить Францию извне и сдержал свое обещание. Наиболее трудною представлялась первая часть этой задачи. Целое столетие междоусобных войн и религиозных смут ослабили во Франции все внутренние связи. Аристократия, которая при Генрихе IV начала было привыкать к повиновению королевской власти, убедилась за время регентства Марии Медичи и в первые годы царствования Людовика XIII в возможности безнаказанно сопротивляться королевским декретам. Французские протестанты представляли собою государство в государстве. Владея в силу Нантского эдикта многими крепостями, важнейшими из которых были Ла-Рошель и Монтабан, гугеноты являлись не только религиозной сектой, но вместе с тем также и политической партией, не стеснявшейся искать для себя союзников за границей. Государственные финансы находились в полном расстройстве; правосудие существовало только номинально. Даже в Париже на глазах короля безнаказанно нарушалась имущественная и личная безопасность граждан; нельзя было выходить из дому без оружия уже потому, что среди белого дня никто не мог считать себя на городских улицах в безопасности. В самом Париже герцог Ангулемский, побочный сын Карла IX, пользовавшийся расположением Людовика XIII, не платил многочисленной своей прислуге жалованья, ссылаясь на то, что его отель выходит на четыре улицы, на которых такие молодцы, как его лакеи, могут без труда раздобыть себе деньгу. Если лакеи знатных бар бесцеремонно грабили и обирали прохожих, то их господа позволяли себе еще большие вольности, на которые тогдашнее

общественное мнение смотрело сквозь пальцы, между тем как с точки зрения современной нравственности они представляются чудовищными преступлениями. Можно было, разумеется, обращаться с жалобами в суд, но суды, по уверению современников, были “опаснее разбойничьих вертепов”. К тому же французское дворянство не признавало авторитета судебной власти и смеялось над парламентскими повестками. Судебные приставы не смели даже являться в знатные дома с такими повестками, зная, что за подобную попытку будут до полусмерти исколочены палками. Сам Людовик XIII находил такое обращение с судебными приставами в порядке вещей и приказал было проучить палкой парижского парламентского пристава, дерзнувшего явиться в королевский замок Фонтенбло с исполнительным листом на одного из придворных. К счастью, присутствовавший при этом член государственного совета вступился за пристава и предложил королю сперва осведомиться, по чьему указу и распоряжению принесен во дворец исполнительный лист. Как и следовало ожидать, из документов выяснилось, что пристав действовал именем самого короля и по его указу.

Вообще в знатных домах тогда держали целые команды палочников, расправлявшихся по-свойски с людьми, имевшими несчастье навлечь на себя неудовольствие господ, причем и сами господа не гнушались иной раз собственноручно прибегать для вразумления подчиненных к палке. Кардинал Ришелье не составлял исключения из общего правила; он бил палкой не только своих служителей, но также государственного канцлера Сегье и главноуправляющего министерством финансов Бюллиона.

Будучи сам дворянином и вполне сочувствуя образу мыслей тогдашнего французского дворянства, Ришелье оказался, однако, вынужденным силою обстоятельств нанести смертельный удар исключительным правам и преимуществам, которыми фактически обладала тогда французская аристократия. Участие наиболее видных ее представителей в интригах и заговорах против его власти заставило кардинала прибегать к строгим карательным мерам, наглядно свидетельствовавшим, что знатное дворянство не может более рассчитывать на безнаказанность для себя и своих клиентов иначе, как при условии искреннего с ним союза и соглашения. Противники Ришелье убеждались на горьком опыте, что карательные законы писаны по преимуществу именно для них.

Первыми предостережениями по адресу французской аристократии были: арест побочных братьев Людовика XIII, двух герцогов Вандомов, и казнь графа Шале. Еще более сильное

впечатление произвел смертный приговор над графом Бутвиллем из дома Монморанси. Сделавшись первым министром, Ришелье должен был обратиться к Людовику XIII с просьбой о строжайшем воспрещении поединков. Дело в том, что большая часть аристократической молодежи сочувствовала традициям лиги и держала сторону Анны Австрийской. Сторонники кардинала, беспрерывно подвергавшиеся публичным оскорблениям, должны были по установившемуся обычаю отвечать на них вызовами. Многие из приближенных Ришелье гибли на дуэлях или же оказывались вследствие полученных ран и увечий не в состоянии выполнять возложенных на них поручений. Людовик XIII издал против поединщиков суровый декрет, на основании которого их можно было присуждать к смертной казни, а также конфискации имущества. Ришелье в пояснительной записке к этому декрету указывал на желательность упразднить варварский обычай, из-за которого гибло ежегодно множество храбрых дворян, способных служить верой и правдой королю и отечеству.

Не находя себе поддержки в общественном сознании, королевский декрет против дуэлей, казалось, должен был остаться мертвой буквой. Сам Людовик XIII подшучивал над теми, которые отказывались от вызовов, и насмешливо замечал, что они, вероятно, радуются возможности сослаться на его декрет. Однако же, в тех случаях, когда это сообразовывалось с видами Ришелье, королевский указ против дуэлей применялся, хотя и в значительно смягченной форме. Несколько дворян, в том числе дю Плесси Прален, были за участие в поединках уволены от придворных должностей. Тем не менее мания дуэлей не ослабевала. Граф Бутвилль прибыл из Брюсселя на почтовых в Париж для поединка с маркизом Девроном. Несмотря на присутствие в столице короля, дуэль состоялась среди белого дня на Королевской площади. Секундант Деврона был убит. После поединка граф Бутвилль собирался бежать за границу, но был арестован и предан суду парижского парламента, который приговорил его к смертной казни. Все ожидали, что король воспользуется правом помилования и что смертная казнь будет заменена воспрещением приезда ко двору, но, по настоянию кардинала, Людовик XIII подписал смертный приговор, который и был приведен в исполнение. При этом случае современники дали Людовику XIII насмешливое прозвище “Справедливого – Louis le juste” с пояснением “a tirer de l'arquebuse”, то есть “метко стреляющего из ружья”.

Будучи на основании теоретических соображений поклонником системы террора, Ришелье пользовался каждым удобным случаем, чтоб устрашить своих противников и наглядно

показать им свое могущество. Некоторое время спустя, ему представилась возможность проявить это могущество в еще более ярком свете, побудив короля отказать в помиловании графу Монморанси, одному из самых выдающихся представителей французского дворянства. Весь двор Людовика XIII и все его приближенные, за исключением Ришелье, умоляли короля смягчить приговор, постановленный тулузским парламентом, но король приказал отрубить Монморанси голову, запретив лишь палачу касаться при этом рукою до осужденного. Когда маршал Шатильон указал на взволнованные и опечаленные лица всех придворных, Людовик XIII, отличавшийся прирожденной склонностью к жестокосердию, резко заметил ему:

– Какой бы я был король, если бы позволил себе питать чувства, приличествующие моим подданным!

Ришелье, не терпевший никаких ограничений своей власти, всячески добивался отмены особых прав и привилегий, которыми пользовались до того времени Нормандия, Прованс, Лангедок и многие другие французские области. Заговоры и восстания, в которых принимали участие областные губернаторы, побудили Ришелье упразднить губернаторские должности, что, в свою очередь, значительно ослабило влияние высшей аристократии. Места губернаторов заняли королевские интенданты, непосредственно подчиненные первому министру. Чтобы вернее сломить сопротивление дворянства этим реформам, предписано было разрушить укрепленные замки, не представляющиеся необходимыми для государственной обороны.

В своем стремлении подавить все оппозиционные элементы Ришелье не щадил также и парламент. Ему дозволялось высказывать только мнения, согласные с воззрениями кардинала. Всякая попытка к самостоятельности навлекала на парламентских советников весьма серьезные неприятности. Необходимо заметить, впрочем, что парламенты в то время зачастую руководствовались частными областными интересами, упуская из виду интересы общегосударственные. Так, бургундский парламент отказывался от возмещения хотя бы даже части расходов, в которые королю пришлось войти для обороны этой области. Бретонский парламент не пожелал скрепить королевский декрет об учреждении французской Ост-Индской компании, ссылаясь на несоблюдения некоторых мелочных юридических формальностей. Совершенно организовавшееся было французское Общество для торговли с Ост-Индией распалось. Подобным же образом гренобльский парламент, опасаясь, что не хватит хлеба для населения Дофине, объявил недействительными все контракты, заключенные на поставку

продовольствия королевским войскам, действовавшим в Италии. Чтобы окончательно уничтожить политическое значение парламентов, кардинал Ришелье за год до своей смерти побудил Людовика XIII издать указ, воспрещавший им всякое вмешательство в государственные и административные дела. Указ этот, уничтожавший возможность законной оппозиции, является, по мнению Мишле и некоторых других историков, зерном, из которого выросла, полтораста лет спустя, революция, низвергнувшая королевский трон во Франции. Ришелье, очевидно, не разделял мнения о возможности опираться на то, что оказывает противодействие. Он никакого противодействия не терпел.

Французское духовенство возлагало сперва на Ришелье большие надежды, рассчитывая, что он в качестве кардинала должен отстаивать прерогативы своего сословия. Заняв пост первого министра, Ришелье не затруднялся, однако, требовать, чтобы духовенство, владевшее в то время почти четвертою частью всей французской поземельной собственности, платило в казну соответственные налоги. При этом он намекнул, что церкви и монастыри не имеют во Франции законного права владеть недвижимой собственностью и что король мог бы конфисковать все их имущества, назначив монахам и церковному причту приличествующее скромное содержание. В заключение Ришелье присовокупил: “Государство имеет действительные потребности, тогда как потребности церкви – воображаемые и произвольные. Если бы королевским армиям не удалось отразить неприятеля, то французскому духовенству пришлось бы понести громадные имущественные убытки”. Современникам казалось, что слова эти звучат чрезвычайно странно в устах кардинала.

Еще более странными признавали они отношения кардинала Ришелье к папской власти. Иезуит Санктарель обнародовал сочинение “Об ереси и расколе”, в котором, между прочим, утверждалось, будто папа имеет законное право низводить с престола императоров и королей в наказание за дурные поступки или в случае непригодности к выполнению монарших обязанностей. Ришелье, находя эту теорию оскорбительной для авторитета королевской власти, препроводил книгу Санктареля на рассмотрение парижского парламента, который присудил сжечь ее рукою палача на Гревской площади. Затем иезуитам дано было понять, что, в случае попытки защищать тезисы автора, они будут высланы из Франции. Иезуиты выказали в данном случае обычную свою гибкость и лицемерие. Несмотря на то, что книга Санктареля одобрена была папой и генералом иезуитского ордена, шестнадцать наиболее влиятельных иезуитских патеров

скрепили своими подписями приговор, постановленный против нее парламентом, убедившись в опасности борьбы с кардиналом, они после неудачной попытки низвергнуть Ришелье начали оказывать ему усердную поддержку.

В сношениях своих с папой Урбаном VIII Ришелье обнаружил тем более замечательный такт, что в качестве кардинала не мог открыто противодействовать видам и стремлениям римского первосвященника. Необходимо заметить, впрочем, что собственные интересы Ватикана побуждали его не предъявлять к Ришелье никаких требовании, которые шли бы вразрез с французской политикой, стремившейся ослабить преобладание Испании и Австрии. В самом Риме серьезно опасались этого преобладания. При таких обстоятельствах если папа, уступая давлению мадридского кабинета, действовал иногда сообразно с видами испанской партии, то отпор со стороны Ришелье обыкновенно не вызывал в Ватикане особенного раздражения. Несравненно сильнее негодовал Ватикан на чрезмерную, по его мнению, независимость и самостоятельность Ришелье в религиозных вопросах. Ходатайствуя в Риме о разрешении для дочери Людовика XIII вступить в брак с английским наследным принцем, который с точки зрения католической церкви являлся еретиком, Ришелье дал понять, что в крайнем случае можно будет обойтись и без разрешения. В отместку за это Урбан VIII не согласился возвести Ришелье в почетный сан папского легата во Франции. Несколько времени спустя отношения между Францией и Ватиканом до такой степени обострились, что Людовик XIII отказался принять папского нунция и предписал епископам воздерживаться от всяких сношений с папским престолом. Урбан VIII струсил не на шутку, так как до него дошли слухи, будто Ришелье намерен совсем отделиться от Рима и сделаться патриархом особой галликанской церкви. В памфлете, озаглавленном “Optatus Gallus”, открыто высказывалось против кардинала такое обвинение. В возражении на этот памфлет, вышедшем за подписью одного иезуита, утверждалось, в свою очередь, что подобный шаг со стороны французского духовенства и кардинала Ришелье не представлял бы собою, в сущности, ничего еретического и противозаконного, так как для учреждения патриарших престолов в Иерусалиме и Константинополе не требовали согласия римского первосвященника. Неизвестно, имелось ли на самом деле такое намерение у Ришелье. Папа решил, однако, на всякий случай не доходить до окончательного разрыва с могущественным кардиналом и при посредстве Мазарини заключил с ним компромисс.

Ришелье беспощадно боролся с протестантами во Франции,

как с политической партией, но в то же время обнаруживал по отношению к ним полнейшую веротерпимость. Что касается янсенистов[2], то сперва он отнесся очень сочувственно к основателю этой секты аббату Сен-Сирану. Однажды, провожая его в приемную, кардинал объявил собравшимся там посетителям: “Господа, вы видите перед собою ученейшего человека в Европе!” Тем не менее, когда аббат, отказываясь принять участие в диспуте между католиками и протестантами, объявил, что католики должны обращать еретиков на путь истины не рассуждениями, основанными на текстах, а благочестивой жизнью и подвигами христианского милосердия, кардинал признал учение его опасным, разогнал янсенистов и посадил Сен-Сирана в Венсенский замок. Оправдывая эту суровую меру, Ришелье утверждал, будто Сен-Сиран опаснее шестерых неприятельских армий, и говорил, что если бы Лютера и Кальвина своевременно засадили в тюрьму, то Европа избавилась бы от многих кровопусканий.

Справиться с протестантами, или, как их называли во Франции, гугенотами, было несравненно труднее, чем с янсенистами. Тем не менее существование сильной религиозной политической партии, являвшейся государством в государстве, составляло для Франции серьезную хроническую опасность. Ришелье не мог приступить к деятельному выполнению своей внешней политической программы и двинуть французские войска за границу, пока внутри государства существовала сильно сплоченная многочисленная партия, беспрерывно враждовавшая с королевским правительством и заключавшая против него союзы с иностранными государствами. Главным опорным пунктом гугенотов был укрепленный город Ла-Рошель, который, благодаря своему приморскому положению и чрезвычайно сильным по тогдашнему времени укреплениям, считался неприступным, тем более что у Людовика XIII при вступлении Ришелье в должность первого министра не было порядочного флота. В первое время поэтому Ришелье избегал по возможности ссор с гугенотами и выказывал по отношению к ним большую уступчивость. Вместе с тем он энергически хлопотал о приведении французских морских сил в должный порядок. Достигнув в этом отношении желаемых результатов, кардинал предложил королю издать декрет о срытии всех укреплений, ненужных для государственной обороны. Декрет этот возбудил среди гугенотов величайшее негодование, совершенно, впрочем, понятное, так как он являлся прямым нарушением Нантского эдикта. При таком настроении умов достаточно было самой ничтожной искры, чтобы вызвать вооруженное восстание. Англия, которою управлял в то время

герцог Букингем, обнадежила гугенотов своей поддержкой, и они стали деятельно готовиться к борьбе, представлявшейся неизбежною.

Первый министр английского короля Иакова I, герцог Букингем, остался у кормила правления и по вступлении на престол Карла I. При заключении брака Карла I с французскою принцессою Генриеттой, Букингему было поручено проводить молодую королеву в Англию. Герцог, отличавшийся, по словам современников, мужественной красотой, изяществом манер, утонченным вкусом и царственною щедростью, встретил при французском дворе чрезвычайно радушный прием. Особенно сочувственно отнеслась к нему, как уверяют, супруга Людовика XIII, Анна Австрийская. Букингем, в свою очередь, до того увлекся очаровательной французской королевой, что после официального отъезда из Парижа тайком вернулся туда, заранее обеспечив себе возможность застать Анну Австрийскую наедине в саду. Утверждают, будто королева сделала ему за этот дерзкий поступок выговор, “в котором высказывалось скорее нежное расположение, чем гнев”. Ришелье, узнав об этом свидании, поспешил принять меры к предупреждению дальнейших визитов герцога Букингема во Францию. В то время, как герцог собирался опять ехать в Париж во главе блестящего посольства, ему прислано было с курьером формальное запрещение показываться на французской территории. Это его до такой степени взорвало, что он поклялся увидеться с Анной Австрийской наперекор всем препятствиям со стороны кардинала и французского вооруженного могущества.

Решив объявить Франции войну, Букингем убедил Карла I заключить союз с гугенотами и высадился с семитысячным отрядом на острове Ре, в виду Ла-Рошели. Губернатор этого острова, маркиз Туара, заперся с небольшим отрядом в находившемся там укреплении и оборонялся до такой степени упорно, что французские войска успели прибыть к нему на помощь. Герцог Букингем, выказавший блестящую личную храбрость, проиграл, тем не менее, сражение и должен был вернуться в Англию с остатками своего десантного отряда.

Во время высадки англичан на острове Ре жители Ла-Рошели открыто приняли их сторону. Ришелье убедил короля осадить или, лучше сказать, блокировать Ла-Рошель, окружив город с сухого пути линей укреплений и заградив доступ к нему с моря громадной плотиной. Утверждают, будто образцом для нее служила плотина, построенная Александром Македонским при осаде Тира. Король Людовик XIII, видя, что население Ла-Рошели не расположено сдаваться, уехал в Париж, поручив ведение осады

кардиналу, назначенному главнокомандующим всех королевских войск, собранных под Ла-Рошелью, и в соседних областях. Ришелье ввел в войсках строжайшую дисциплину, очень не нравившуюся французскому дворянству, наиболее выдающиеся представители которого понимали, что взятие Ла-Рошели еще более усилит и без того уже неудобное для них могущество кардинала. Маршал Бассомпьер прямо говорил: “Ну, разве мы не сумасшедшие? Ведь мы, чего доброго, возьмем Ла-Рошель!” Действительно, несмотря на геройское мужество обороняющихся, они, после двухлетней блокады, были вынуждены голодом к сдаче. Английский флот дважды пытался прорвать плотину, устроенную Ришелье, и доставить в Ла-Рошель продовольствие, но обе эти попытки были крайне нерешительными и не привели к желаемому результату. Людовик XIII, вернувшись под конец осады в лагерь, дал, по совету Ришелье, гугенотам полную амнистию. Замечательно, что через несколько дней после сдачи Ла-Рошели поднялась страшная буря, разрушившая плотину, благодаря которой королевским войскам только и удалось овладеть городом.

Английский историк Юм говорит: “Падение Ла-Рошели закончило во Франции период религиозных войн и было первым шагом на пути к упрочению ее благоденствия. Внутренние и внешние враги этой державы утратили могущественнейшее орудие для нанесения ей вреда, и она, благодаря разумной и энергической политике, начала постепенно брать верх над своей противницей – Испанией. Все французские партии подчинились законному авторитету верховной власти. Тем не менее, Людовик XIII, одержав победу над гугенотами, выказал чрезвычайную умеренность. Он продолжал относиться с терпимостью к протестантскому вероисповеданию. Франция была тогда единственным государством, в котором веротерпимость признавалась законным порядком вещей”.

Действительно, история должна подтвердить, что Ришелье в век инквизиции отличался такой религиозной терпимостью, какая даже и в наше время встречается далеко не повсеместно. Сам он говорит в своем “Политическом завещании”: “Я не считал себя вправе обращать внимание на разницу в вероисповедании. И гугеноты, и католики были в моих глазах одинаково французами”. Впрочем, взгляд Ришелье на религиозный вопрос не имел прочной почвы в народном сознании, так что когда полвека спустя Людовик XIV отменил Нантский эдикт[3], мера эта не вызвала со стороны общественного мнения ни малейшего протеста.

Вслед за тем спор о престолонаследии в герцогстве

Мантуанском дал ему повод захватить укрепленный город Пиньероль, обладание которым открывало французам свободный доступ в Италию. Испания и Австрия не могли воспрепятствовать этому захвату, так как Тридцатилетняя война была тогда в самом разгаре.

Несмотря на свой кардинальский сан, Ришелье всячески старался поддержать в Германии дело Реформации, казавшееся одно время окончательно проигранным. Победы Тилли и Валленштейна сделали императора Фердинанда II полным властелином Германии. Правда, в протестантских немецких землях обнаруживалось сильнейшее недовольство декретом о возвращении католических церковных имуществ, конфискованных более ста лет назад, но недовольство это ограничивалось глухим ропотом. Ришелье, опасаясь, что австрийский дом, подчинив себе всю Германию, направит свои грозные вооруженные силы против Франции, заключил со шведским королем, Густавом-Адольфом, договор, целью которого было ограждение самостоятельности германских государей и обеспечение одинаковой свободы вероисповедания немецким протестантам и католикам. Франция обещала Густаву ежегодную субсидию в 400 тысяч червонцев, он же, со своей стороны, обязался держать в Германии армию из 30 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы.

Тем временем монах капуцинского ордена, патер Жозеф, отправленный французским премьером в качестве посла на регенсбургский сейм, уверил Фердинанда, что Франция, в случае новых осложнений в Германии, будет соблюдать строжайший нейтралитет, и уговорил императора уволить в отставку талантливейшего его полководца Валленштейна. Фердинанд II не замедлил раскаяться в своей легковерности, когда Густав-Адольф разбил наголову его войска под Лейпцигом. Шведы могли бы после того беспрепятственно овладеть Веной, но упустили благоприятный случай. Ришелье замечает по этому поводу в своих “Мемуарах”: “Господь Бог не хотел довести австрийский дом до окончательной гибели, находя, вероятно, ее вредной с точки зрения интересов католической церкви”.

Очистив от имперских отрядов прирейнскую Германию, Густав-Адольф предложил Людовику XIII свидание, чтобы переговорить о германских делах. Предложение это было отклонено, так как Ришелье считал неприличным для французского короля иметь личное объяснение с “каким-нибудь северным державцем”. Густаву-Адольфу дали знать, что если он возьмет на себя труд подойти несколько ближе к Лотарингии, занятой в то время французскими войсками, то первый министр

Людовика XIII приедет к нему в лагерь для переговоров. Шведский король возразил, что предпочитает послать кого-нибудь из своих министров выслушать предложения г-на кардинала. Ответ этот произвел на Ришелье большое впечатление и значительно усилил его уважение к Густаву-Адольфу. Тем временем смерть Тилли, убитого при неудачной попытке помешать переправе шведов через Лех, заставила императора Фердинанда согласиться на все требования Валленштейна и назначить его снова главнокомандующим. Вслед за тем война приняла оборот, менее благоприятный для протестантов. Густав-Адольф одержал, правда, над Валленштейном победу под Люценом, но был сам убит в этом сражении. Валленштейна, собиравшегося перейти на сторону протестантов, умертвили собственные его офицеры, оставшиеся верными императору. После того война продолжалась с переменным успехом, и Франция начала усиленно готовиться к непосредственному в ней участию. Ришелье был заранее уверен, что протестантские немецкие государи окажутся вынужденными согласиться на всякие территориальные уступки, каких только захочет Франция в вознаграждение за свое содействие. Зная, что придется вести войну не только с Австрией, но также и с Испанией, Ришелье призвал под знамена более чем стопятидесятитысячную армию. Франция никогда еще до тех пор не располагала такой большой вооруженной силой. Содержание этих войск обходилось очень дорого и вызывало в народе сильнейшее недовольство против кардинала, оправдывавшегося тем, что считает своей задачей возвращение Галлии естественных ее границ.

В 1635 году была объявлена война Испании, от исхода которой, как заявлял Ришелье в “Gazette de France”, зависели “порабощение или свобода всей Европы”. Второй год этой войны чуть было не оказался роковым и для кардинала и для его политических видов. Испанцы вторглись в Пикардию и только по собственной вине не овладели Парижем, но не сумели воспользоваться одержанными победами и дали французам время оправиться. Военное счастье стало после того склоняться на сторону Франции, но государственные расходы ее все более возрастали и к концу 1639 года королевское казначейство совершенно опустело. Главноуправляющий министерством финансов объявил, что “чаша исчерпана до дна”. Тяжесть налогов, особенно угнетавшая крестьян, вызвала в Нормандии восстание “босоногих”, которое было подавлено с беспощадной суровостью. Следует заметить, что кардинал не особенно смущался жалобами народа на тяжесть податного обложения. Он говорит в своем “Политическом завещании”: “Все

государственные деятели знают, что излишнее благосостояние только вредит народу, вызывая у него стремление забывать верноподданнические свои обязанности... Благоразумие не дозволяет освобождать от налогов податное сословие, которое утратило бы тогда внешнее наглядное доказательство подчиненного своего положения... Крестьян можно сравнить с мулами, до такой степени привыкшими к ноше, что долгий отдых вредит им более чем работа... С другой стороны, необходимо, впрочем, сообразовать тяжесть вьюка с силами животного. Подобным же образом следует относиться и к налогам, взимаемым с народа".

В 1640 году вспыхнуло в Португалии и Каталонии восстание против испанского владычества. Благодаря этому перевес решительно склонился в пользу Франции и ее союзников; Португалия окончательно отделилась от Испании, а Каталония в 1642 году отдалась под покровительство Людовика XIII, провозгласив его графом Барселонским и Руссильонским. Герцог Лотарингский вынужден был заключить мир, по которому Франция приобрела часть Лотарингии. Уже с 4 мая 1641 года Ришелье начал также с австрийским домом переговоры, закончившиеся, однако, лишь через три года после его смерти, а именно в 1645 году, Вестфальским миром.

В июле 1642 года скончалась в Кельне мать Людовика XIII Мария Медичи, тщетно умолявшая Ришелье дозволить ей вернуться во Францию. Сам кардинал пережил ее лишь несколькими месяцами. Он умер 4 декабря 1642 года, объявив на прощание Людовику XIII: "Теперь песенка Испании спета".

Ришелье оставил Францию могущественным и прочно централизованным государством, обладавшим хорошо организованной армией, сильным флотом и значительными государственными доходами. При нем французы утвердились в Гвиане и в Вест-Индии, вернули себе Канаду, овладели островом Бурбоном и завели колонии на Мадагаскаре. Вместе с тем кардинал очень интересовался французскими поселениями в северной Африке на алжирском берегу и намеревался устроить поселения также в Тунисе. Для укрепления авторитета верховной власти упразднены были должности коннетабля и генерал-адмирала. Тем не менее Ришелье не удалось совершенно уничтожить систему продажи государственных должностей. Напротив, возраставшая потребность в деньгах зачастую побуждала его создавать новые должности. Так, он увеличил число парламентских советников, причем, продавая патенты преимущественно своим сторонникам, убивал, как говорится, одним камнем двух воробьев.

В заслугу Ришелье надо поставить также и заботы об улучшении образования французского юношества. В 1636 году он основал Королевскую академию[4] с двухлетним курсом для подготовки молодых людей к военной и дипломатической службе. В 1640 году были основаны еще одна академия и Королевская коллегия для французского и иностранного дворянства. По мнению Ришелье, к изучению так называемых гуманитарных наук надлежало допускать сравнительно лишь немногих избранных. Знакомство с этими науками он считал безусловно вредным для людей, которым предстояло заниматься земледелием, ремеслами, торговлей и т.п., а потому высказывался в пользу сокращения числа классических коллегий и замены их двух и трехклассными реальными училищами, в которых молодые люди, готовящиеся к торговле, ремесленному труду, военной службе в унтер-офицерских чинах и т.п., получали бы необходимое образование. Лучших учеников он хотел переводить из реальных школ в высшие учебные заведения. Смерть помешала Ришелье выполнить эту программу преобразования французских учебных заведений.

Прибегая к суровым мерам, чтобы восстановить уважение к закону, и уверяя Людовика XIII в необходимости устранить лицеприятие в судах, Ришелье на самом деле обращался с правосудием довольно бесцеремонно. Он допускал суд правый и нелицеприятный лишь в тех случаях, когда это согласовалось с его собственными видами. Процессы против политических противников и личных врагов кардинала обставлялись сплошь и рядом так, что о каких-либо гарантиях беспристрастия не могло быть и речи. Даже в случаях действительной виновности противников Ришелье приговоры над ними имели скорее характер судебных убийств, чем законной кары. Нарушение правосудия носило зачастую характер вопиющей несправедливости, наглядными образцами которой могут служить процессы де Ту и Урбана Грандье.

Друг и приятель Сен-Марса, де Ту не принимал участия в заговоре и даже старался отклонить обер-шталмейстера от преступных его интриг. Правда, зная о них, он все-таки не счел уместным донести на своего друга. Объясняя на суде причины, по которым он не сделал этого, де Ту показал: “Я узнал о договоре, заключенном с Испанией, из рассказа самого Сен-Марса, сообщившего, что договор вступает в силу лишь в том случае, если французские войска в Германии потерпят поражение. Войска наши постоянно одерживали победы, а потому не было настоятельной надобности изменять другу для спасения государства от воображаемой опасности. К тому же у меня не

было фактических доказательств справедливости доноса и если б виновные не пожелали добровольно сознаться, суд был бы вынужден приговорить меня к тяжелому наказанию за клевету".

Многие из судей, находя доводы эти основательными, были расположены оправдать де Ту, но Ришелье требовал вследствие особых соображений, чтоб этот несчастный юноша был подвергнут смертной казни. Один из клевретов кардинала Лобардемон отыскал в архивной пыли декрет Людовика XI, предписывавший карать наравне с главными зачинщиками всех, кто, зная о договоре, не довел о нем безотлагательно до сведения правительства. Декрет этот никогда не применялся даже в царствование самого его автора, но это не помешало судьям подчиниться воле кардинала и приговорить де Ту наравне с Сен-Марсом к обезглавливанию.

Враги Ришелье уверяют, будто он сказал: "Де Ту-отец включил мое имя в свою историю, я же включу имя его сына в мою". Действительно, в XXIV книге истории, составленной президентом де Ту, говорится о безнравственной жизни Антуана дю Плесси Ришелье, носившего прозвище монаха, так как он действительно был расстригой. Несмотря на злопамятность кардинала и мстительный его характер, трудно предположить, однако, чтоб Ришелье руководствовался в данном случае чувством мести. Гораздо правдоподобнее допустить, что он хотел казнью де Ту навести ужас на своих противников. Сам кардинал в своих мемуарах проводит ту мысль, что там, где дело идет о политических преступлениях, правительство ни под каким видом не может щадить своих противников. Отвадить от этих преступлений можно лишь в том случае, если виновных непременно будет постигать строжайшая кара. "Для достижения такого результата не следует останавливаться даже перед такими мероприятиями, от которых могут страдать невинные".

Гораздо труднее приискать какое-либо оправдание образу действий Ришелье и его опричников в процессе луденского каноника Урбана Грандье.

Лобардемон, который играл видную роль в большинстве судебных убийств, запятнавших репутацию великого кардинала, был прислан в Луден с поручением следить за срытием там городских укреплений. Разузнав через наушников, что Грандье был автором появившегося за пятнадцать лет перед тем памфлета, в котором осмеивались притязания Ришелье на получение десятины с доходов луденского аббатства, Лобардемон донес об этом кардиналу и получил от него разрешение проучить памфлетиста надлежащим образом.

Необходимо заметить, что остроумие Грандье создало ему в

самом Лудене много врагов. Этим только и можно объяснить тот странный факт, что бесноватые, появившиеся в луденском монастыре урсулинок, единогласно объявили, будто бесы вселились в них по приказанию каноника. Злополучный Грандье, убежденный в своей невиновности, отказался бежать за границу, как ему советовали некоторые из его приятелей. Он не хотел даже подчиниться приговору суда инквизиции, который, признавая несостоятельность главного обвинения против каноника, назначил, однако, ему церковное покаяние за “легкомысленные речи и поступки”. Грандье апеллировал против этого приговора, и дело было передано, по приказанию Ришелье, в судебную комиссию под председательством Лобардемона.

Комиссия эта постановила, в принципе, что дьявол обязан говорить истину, если его заклинают надлежащим порядком. Неверующим в этот тезис дано было понять, что их могут притянуть и самих к суду в качестве соучастников колдуна или, по меньшей мере, еретиков, позволяющих себе неуважительно отзываться о католических догматах. Угрозы эти привели к желаемому результату. Никто не осмелился выступить в защиту Грандье. Показания бесноватых были признаны имеющими силу законного доказательства. Врачи, назначенные комиссией, отыскали на теле несчастливца места, нечувствительность которых к уколу должна была неопровержимо свидетельствовать о договоре, заключенном им с сатаною. На всякий случай признано было уместным вывесить на всех перекрестках запрещение под страхом телесного наказания и большого денежного штрафа дурно отзываться о судьях, заклинателях и бесноватых. Один из членов комиссии, патер Лактанций, раскалив почти докрасна чугунное распятие, подносил его к губам Грандье, который, разумеется, каждый раз отдергивал голову назад. Комиссия занесла в протокол, что колдун не посмел приложиться к кресту. Грандье даже и под пыткой не хотел сознаться в сношениях своих с дьяволом, а потому был объявлен нераскаянным грешником и присужден к сожжению на костре. Он сгорел живьем, так как на петле, которой должен был удушить его в последнюю минуту палач, оказался узел, сделанный будто бы по распоряжению Лобардемона. Весьма вероятно, что в данном случае председатель судебной комиссии хватил через край и зашел несколько далее, чем это было желательно самому кардиналу.

Глава VI. Характер и частная жизнь кардинала

В государственной своей деятельности первый министр Людовика XIII отличался безжалостной, суровой настойчивостью и мстительностью, доходившей до жестокосердия. Это не мешало ему в частной жизни очаровывать преданных своих слуг и приспешников добротой, мягкостью и обходительностью. Когда у него вырывалось по отношению к ним язвительное замечание или грубое слово, или же когда дело доходило до побоев, кардинал всегда обращался сам к обиженному со словом примирения. Обыкновенно он говорил в таких случаях, что человек в его положении чувствовал бы себя несчастным, если бы не мог сорвать на какой-нибудь доброй душе дурное расположение духа, обусловленное запутанностью государственных дел.

Нередко, подвергаясь припадкам мрачной меланхолии, Ришелье обращался к окружающим с просьбой “развлечь его, если только это возможно”. Поэту Буароберу чаще других удавалось развеселить кардинала. Иногда Ришелье подшучивал над своими приближенными. Так, зная, что каноник Мюло сердился, когда его звали “раздавателем милостыни его высокопреосвященства”, кардинал однажды передал ему письмо с таким именно адресом. Мюло вышел из себя и сказал: “Только дурак мог придумать подобную шутку”. – “А что, если сделал это я сам?” – спросил кардинал. – “Меня, признаться, это бы не удивило, – отвечал Мюло, – Вашему преосвященству, вероятно, не впервые делать глупости”.

В тех случаях, когда не помогали шутки и мистификации, Ришелье, чтобы рассеять дурное расположение духа, прибегал к самым утомительным гимнастическим упражнениям. Герцог Граммон, застав его в такую минуту, спокойно сбросил с себя кафтан и сказал: “Готов держать пари, что прыгну далее вашего преосвященства”. Действительно, он принялся бегать и прыгать взапуски с кардиналом. Такая находчивость очень понравилась Ришелье, который стал после того очень благоволить к герцогу.

Иногда всемогущий премьер испытывал странные галлюцинации. Он воображал себя лошадью и с громким ржанием бегал вокруг бильярда. В таких случаях приходилось силою укладывать его в постель, где по прошествии некоторого времени он приходил в себя.

Памфлеты враждебного лагеря упрекали кардинала в распущенности нравов и, без сомнения, рассказывали о нем

немало небылиц. В числе его любовниц называли, между прочим, герцогиню Шеврез, Нинон де Ланкло и даже Валуа, дочь герцога Орлеанского. Ришелье очень заботился о соблюдении внешних приличий и положительно щеголял своей набожностью. Он исповедовался и причащался каждое воскресенье, если только тому не препятствовало состояние его здоровья, и всякий раз умилялся духом так, что на глазах его блистали слезы. Впрочем, обладая большими сценическими способностями, как говорила про него Мария Медичи, он мог плакать раз по пятнадцать в день. Вообще кардинал дорожил репутацией ревностного католика и усердно выполнял свои религиозные обязанности. Он очень любил священнодействовать и обыкновенно по большим праздникам сам служил литургию. Зачастую дома в два или три часа он молился в присутствии своего духовника, священника, камердинера, нескольких офицеров, телохранителей и слуг. Молитва эта длилась около получаса. При всей своей веротерпимости Ришелье считал долгом интересоваться обращением еретиков и, как говорят, жертвовал из личных своих средств большие суммы на миссионерскую пропаганду.

Кардинал нередко выставлял на вид королю свое бескорыстие. Действительно, он не запятнал себя низким сребролюбием и в критические минуты неоднократно помогал государству деньгами. Тем не менее, результаты такого бескорыстия были для него не особенно убыточными. Он завещал своим родственникам громадное состояние, оставил королю крупную сумму (в 600 тысяч рублей) и построил несколько великолепных дворцов. Один из них, Пале-Кардиналь, названный впоследствии Пале-Роялем, по завещанию Ришелье перешел в собственность короля вместе с золотой церковной утварью, украшенной алмазами, серебряным буфером чеканной работы и крупным бриллиантом, купленным у Лопеса.

Кардинал Ришелье любил делать подарки и вообще отличался благотворительностью. Так, он ежемесячно отпускал своему священнику тысячу рублей для раздачи бедным и охотно увеличивал эту сумму, когда она оказывалась недостаточной. Кроме того, камергер, обыкновенно сопровождавший кардинала, должен был всегда держать наготове крупную сумму денег для раздачи нищим, попадавшимся на дороге. В ежегодный бюджет кардинала входили также крупные пожертвования благотворительным учреждениям. Окружая себя величайшим блеском и пышностью, Ришелье содержал громадный штат прислуги, многочисленный отряд телохранителей и большую свиту, в которой насчитывалось до 25 пажей. Содержание этих молодых людей стоило очень дорого, так как они получали самое

тщательное воспитание и образование.

Несмотря на весьма слабое здоровье, Ришелье чрезвычайно много работал и входил во все подробности государственного управления. Немало времени затрачивалось у него также на литературные труды, театр, надзор за постройками, выполнение религиозных обязанностей и аудиенции. Он работал днем и ночью, довольствуясь лишь немногими часами сна.

Обыкновенно он ложился спать часов в 11, но через три или четыре часа опять уже вставал и принимался за работу. Особенно важные бумаги Ришелье писал иногда сам, но в большинстве случаев диктовал секретарю, постель которого стояла тут же, в спальне. Проработав часа три, кардинал снова ложился и спал до семи или до восьми часов утра. Проснувшись, он тотчас же после утренней молитвы звал к себе секретарей и вручал им для переписки доклады и замечания, набросанные ночью начерно. Если в числе этих бумаг находились важные документы, Ришелье приказывал переписывать их в своем присутствии, назначая при этом секретарю определенный срок для окончания работы. Это делалось из опасения, чтобы секретарь не успел снять другой копии с документа. Затем кардинал одевался и принимал министров, с которыми работал до 10 или 11 часов. Остальное время до обеда Ришелье проводил в домовой церкви и слушал литургию. По окончании ее он обыкновенно успевал еще раза два обойти сад, где принимал ожидавших его просителей.

После обеда кардинал проводил некоторое время в дружеской беседе с гостями. Остаток дня посвящался государственным делам, или же приему и посещению иностранных послов и других именитых лиц. Вечером Ришелье еще раз прогуливался по саду, отчасти для моциона, отчасти же для того, чтобы выслушать просителей, не успевших представиться ему утром. После прогулки он, если только этому не препятствовали особенно важные дела, позволял себе маленький отдых в обществе друзей и домашних, с которыми держал себя очень просто и фамильярно. День заканчивался молитвой, длившейся около получаса.

Любовь к блеску и представительности выражалась у Ришелье также постройкой многочисленных дворцов. Они в большинстве случаев отличались художественной архитектурой и роскошным внутренним убранством. В начале политической своей карьеры кардинал довольствовался скромным отелем на Королевской площади, но уже в 1626 году Мария Медичи подарила своему фавориту Малый Люксембург, где он и жил до окончания постройки Пале-Кардиналя. В 1638 году Ришелье подарил Малый Люксембург своей племяннице, Комбале.

В роскошных салонах этого отеля собирались у нее сливки тогдашнего парижского общества, придворные сановники и завсегдатаи знаменитого отеля Рамбулье. Люксембург не удовлетворял, однако, требовательному вкусу кардинала и к тому же находился слишком далеко от королевской резиденции – Лувра. Поэтому уже в 1629 году Ришелье начал строить Пале-Кардиналь. Скупая соседние участки, он неожиданно наткнулся на домовладельца, который ни за что не хотел расставаться с прадедовскими хоромами. Угрозы и обещания агентов, которых подсылал к нему всемогущий министр, оставались тщетными. Тогда кардинал распорядился зачислить неподатливого домовладельца в разряд наиболее состоятельных граждан, с которых взимались в казну добавочные подати. Мера эта оказала ожидаемое действие и сломила сопротивление упрямого домохозяина. Постройкой Пале-Кардиналя заведовал один из знаменитейших тогдашних архитекторов Лемерсье. Современники отзывались с единодушным восторгом об изяществе и пышности новой резиденции кардинала. Большинство галерей, зал и кабинетов этого дворца были украшены фресками и картинами лучших тогдашних художников. Современники особенно восторгались театральной залой и галереей героев, убранной бюстами и портретами людей, прославившихся в истории Франции. Это великолепное здание было тотчас по своем окончании подарено королю с тем, чтобы звание дворцового коменданта оставалось наследственным в роде Ришелье. Будущим герцогам Ришелье предоставлено было в Пале-Кардиналь особое помещение. Кроме этих двух дворцов (Малого Люксембурга и Пале-Рояля) Ришелье принадлежали еще замки Лемур, Флери и Буа-ле-Виконт. Впоследствии он построил еще отель “Ришелье” и приобрел Рюельский замок, который значительно увеличил и украсил. Вообще кардинал был охотник до переездов из одной резиденции в другую. Ему решительно не сиделось на месте. Эта черта его характера не ускользнула от современников. Про Ришелье говорили: “Stare loco nesciebat” (у него нет постоянного места). Замок Рюель, одна из любимейших резиденций кардинала, находился на полпути между Лувром и Сен-Жерменом, вследствие чего король часто посещал его, отправляясь на охоту. Этот великолепный дворец во время революции был разрушен до основания. Особенно славился он роскошными оранжереями и прекрасным парком, послужившим впоследствии образцом для версальского парка. Многочисленные гроты, арки, каскады, бассейны и каналы придавали рюельскому парку волшебный вид. Последний из дворцов, построенных премьером, – отель “Ришелье”, переделанный из небольшого

дома, доставшегося ему по наследству от отца, превосходил роскошью и великолепием все остальные сооружения и стоил громадных денег. Кардинал следил с величайшим интересом за постройкой, но ему суждено было умереть раньше окончания строительства этого отеля. Во время революции отель “Ришелье” был конфискован, а находившиеся в нем драгоценные произведения искусства частью проданы или взяты в казну, частью же брошены без внимания. Вообще дворцы кардинала изобиловали произведениями искусств, так как Ришелье был усердным коллекционером картин, бюстов, медалей, бронзовых и фарфоровых вещиц, античной мебели, мозаики, драгоценных камей, редких книг и рукописей. Вместе с тем он заказывал много картин известнейшим современным ему французским художникам, преимущественно же Филиппу де Шампань. Наиболее богатые библиотеки имелись у Ришелье в Пале-Кардинале и в отеле “Ришелье”. Основанием для первой из них послужила городская библиотека, доставшаяся кардиналу после взятия Ла-Рошели.

– Как вы думаете, что именно доставляет мне более всего удовольствия? – спросил как-то раз Ришелье у одного из своих литераторов, Демара.

– Деятельность на пользу и счастье Франции.

– Нет-с, сочинение стихов, – возразил кардинал.

Действительно, кардинал считал себя недюжинным писателем и ставил свои стихи несравненно выше государственных своих заслуг. Однако современники и потомство признали эту самооценку ошибочной. Проза Ришелье отличается, правда, выразительностью и чистотой стиля, но склонность к напыщенным оборотам и злоупотребление фигуральными выражениями утомляет внимание читателя. Тщательно исправляя все исходившее из-под его пера, он обращал внимание также на орфографию, с которой современные ему вельможи обращались очень бесцеремонно. Кроме того, прежде чем выпустить в свет свои литературные произведения, Ришелье отдавал их для просмотра состоявшим у него на службе писателям: Демаре, Годо, Шапелену, шартрскому епископу Леско и др. Из прозаических произведений Ришелье дошли до нас его “Записки”, “Политическое завещание”, религиозные сочинения и многие письма.

“Мемуары” кардинала и его письма имеют важное значение для истории царствования Людовика XIII. Существует предположение, что “Мемуары” составлялись приближенными Ришелье, на основании указанных им материалов. Предназначенные для восхваления деятельности самого

кардинала, они не отличаются беспристрастием в изложении событий и характеристик. Так, например, в первой части “Мемуаров”, озаглавленной “История матери и сына”, автор зачастую уклоняется от истины, с целью очернить коннетабля де Люина. В них вкралось, вообще, так много фактических погрешностей, что утверждали даже, будто сам Ришелье не успел их прочитать и проверить. С литературной точки зрения, “Мемуары” кардинала оказываются тоже неудовлетворительными, так как представляют собою плохую компиляцию писем и документов. Изредка встречающиеся в них мастерские характеристики и картины не искупают общей водянистости и тяжеловесности. Следует заметить также, что “Мемуары” ограничиваются изложением событий за время министерства Ришелье и не проливают почти никакого света на его частную жизнь. Замечательнейшим из прозаических произведений кардинала следует признать его “Политическое завещание”, слог которого отличается точностью и выразительностью. В этом завещании трактуется о самых разнообразных предметах: о духовенстве, монастырях, повиновении, которое следует оказывать папе, об искусствах и народном образовании, о дворянстве и среднем сословии, о судах и их недостатках, о народе, короле и его советниках. Целые главы посвящаются армии, флоту, торговле и политико-экономическим соображениям. Автор всюду строго придерживается точки зрения самодержавия, разумно и добросовестно относящегося к выполнению своего долга. Труды Ришелье по религиозным вопросам представляют известный интерес для специалистов и были весьма тщательно изданы племянницей кардинала в 1641 году.

Ришелье был одним из лучших современных ему ораторов. Речи его в парламенте и в собрании нотаблей имели обыкновенно деловой характер. Талантливый премьер излагал в них ясно и вразумительно сущность своей политики и причины, побуждавшие его к тому или другому образу действий.

Из поэтических произведений, принадлежащих кардиналу, некоторой известностью пользовались театральные пьесы: “Большая пастораль”, “Смирнский слепой”, “Европа” и “Мирам”. Собственного говоря, Ришелье принадлежал в них только общий план и некоторые отдельные сцены. Остальное писали по указанию кардинала состоявшие при его особе поэты: Буаробер, Летуаль, Коленн, Ротру и Корнель. Сценическая постановка этих пьес и исполнение их в пале-кардинальской театральной зале в присутствии короля, членов королевской фамилии и придворных вельмож были недурны, но сами пьесы оказывались, с

художественной точки зрения, крайне посредственными. Правда, автора “Мирам” приветствовали каждый раз восторженными бурными рукоплесканиями, но в искренность их никто, кроме самого Ришелье, по-видимому, не верил. По словам очевидцев, он проявлял к этой пьесе, написанной при содействии пятерых сотрудников, истинно отеческую нежность. Аплодисменты приводили его в неописуемый восторг. Несколько раз он привставал в ложе, чтоб показаться публике. Случалось также, что он сам указывал зрителям особенно удачные, по его мнению, места пьесы. Приведем вкратце ее содержание: Мирам – дочь Вифанского царя – любит Аримана, который отвечает ей взаимностью. Не надеясь получить согласия на брак с царскою дочерью, Ариман замышляет ее похитить, но его арестовывают, и он в припадке отчаяния приказывает рабу пронзить его мечом. Мирам, решившаяся последовать в могилу за своим возлюбленным, обманывает бдительность отца, притворно соглашаясь на брак с Азамором, царем Фригийским, но в то же время просит свою наперсницу Альмиру достать ей яду. Вифанский царь, не подозревая ужасающей катастрофы, поздравляет Азамора с благоприятной переменой в чувствах Мирам. Вдруг распространяется слух о кончине принцессы. Оказывается, однако, что Альмира дала ей вместо яду сонных капель. Прежде, чем отец и жених успевают выразить свое огорчение и скорбь, они узнают, что Мирам только спит. Вслед за тем обнаруживается, что Ариман не убит, а только ранен, и что он доводится родным братом Фригийскому царю. Благодаря такому счастливому стечению обстоятельств пьеса заканчивается соединением любящих сердец.

Современники утверждали, будто Ришелье позволил себе в “Мирам” намекнуть на любовь Анны Австрийской к английскому послу герцогу Букингему. Особенно прозрачными находили стихи:

> *Je me sens criminelle, aimant un etranger,*
> *Qui met pour mon amour cet etat en danger.*
> *(Я чувствую себя преступной, так как отдала сердце иностранцу, который из любви ко мне подвергает отечество мое опасности).*

Представленная в 1639 году на сцене театра Мондори, трагедия Корнеля “Сид” сразу завоевала себе общие симпатии. Кардинал отнесся очень недоброжелательно к пьесе своего соперника и всячески старался уронить ее в общественном мнении. Французская академия, в угоду своему основателю,

отозвалась далеко не лестно об этой образцовой трагедии. Корнель, продолжавший получать денежные пособия от Ришелье, не мог забыть гонения на “Сида” и после смерти премьера написал стихотворение, оканчивавшееся следующими словами:

Qu'on parle bien ou mal du fameux cardinal,
Ma prose ni mes vers n'en diront jamais rien:
Il m'a fait trop de bien pour en dire du mal,
Il m'a fait trop de mal pour en dire du bien.

(Что бы ни говорили хорошего или дурного о кардинале, я не скажу о нем ничего ни в прозе, ни в стихах. Он сделал мне слишком много добра, чтобы я мог говорить о нем дурно, и слишком много зла, чтобы я стал отзываться о нем хорошо).

Надо полагать, что кроме авторского самолюбия кардинал Ришелье руководствовался в отношениях к “Сиду” также и соображениями чисто политического свойства. Трагедия, изображавшая в симпатичном виде характеры испанцев, появилась как раз во время объявления им Франции войны. К тому же автор трагедии отнесся весьма сочувственно к поединкам, воспрещенным королевским декретом под страхом смертной казни. При таких обстоятельствах кардинал мог усмотреть в “Сиде” опасный протест против своей политики. По крайней мере, Мишле объясняет гонение на “Сида” именно этими соображениями.

Героическая комедия “Европа”, являвшаяся аллегорией на тогдашние политические события и поставленная на сцене пале-кардинальского театра в 1642 году, была последним поэтическим произведением Ришелье.

Великому кардиналу принадлежит честь официального учреждения Французской академии. Еще с 1629 года организовался кружок лиц, принадлежавших к числу наиболее образованных людей своего времени; члены этого кружка условились собираться по вечерам в определенном месте. На собраниях читались новейшие литературные произведения, причем каждый свободно высказывал свое мнение о прочитанном. Вечер завершался обыкновенно прогулкой или ужином. Года четыре спустя слух об этих собраниях дошел через поэта Буаробера до Ришелье. Кардинал предложил кружку преобразоваться из частного учреждения в общественное. После некоторого колебания предложение это было принято, и по ходатайству кардинала Людовик XIII в январе 1635 года утвердил особою грамотой устав Французской академии. Весьма вероятно, что Ришелье имел при этом в виду заручиться симпатиями

кружка литераторов и влиять таким путем на общественное мнение. С подобной же целью основана была в 1631 году еженедельная “Gazette de France”. Первым редактором-издателем ее официально числился врач Ренодо, настоящими же ее руководителями были сам Людовик XIII и его премьер, являвшийся главным редактором и деятельнейшим сотрудником газеты.

Ришелье вообще не отличался крепким здоровьем. В детстве он страдал лихорадкою, а в юношестве головными болями от чрезмерного умственного труда. Став у кормила правления, он усердно занимался государственными делами, невзирая на слабость своего, с каждым днем все ухудшающегося здоровья. Мучительные нарывы, ревматизмы и лихорадки почти не давали ему покоя, а с 1632 года у него обнаружилась еще и каменная болезнь. Он продолжал, однако, работать с изумительной энергией, по поводу которой появилась в “Gazette de France” следующая заметка: “Враги Франции не знают, выгоднее ли для них иметь дело со здоровым или же с больным министром”. В 1634 году ревматические опухоли усилились, к ним присоединился геморрой, от которого лечили тогда обильным кровопусканием. В июне 1635 года ревматизм распространился на челюсти, вместе с тем у кардинала проявились опасные припадки уремии. Вследствие упадка сил он мог путешествовать только в носилках. “У меня самое слабое и чувствительное тело на свете – жаловался Ришелье своим приближенным. Тем не менее, он занимался государственными делами с удвоенным усердием, более чем когда-либо необходимым, так как болезнь премьера совпала с объявлением войны испанцам. Несколько времени спустя упадок сил дошел до того, что кардинал не мог выносить свежего воздуха в Рюельском парке. Король, озабоченный состоянием здоровья первого министра, неоднократно посещал его, чтобы советоваться о государственных делах. В 1642 году во время осады Перпиньяна правая рука Ришелье покрылась множеством вередов[5], не позволявших ему даже подписывать бумаги. В таком состоянии кардинал находился с мая по октябрь. Возвратившись затем в Париж, он в продолжение нескольких недель чувствовал себя довольно удовлетворительно, но в декабре сильное воспаление легких свело его в могилу. Чувствуя, что силы его покидают, Ришелье осведомился у врачей, сколькими же часами жизни он может располагать. Лейб-медик Людовика XIII откровенно ответил: “В течение этих суток ваше высокопреосвященство умрете или выздоровеете”. Кардинал выслушал этот приговор совершенно спокойно. Перед самой кончиной он попросил свою племянницу

герцогиню д'Эгильон выйти из комнаты, объявив присутствовавшим, что не хочет делать ее свидетельницей предсмертной его агонии[6].

В 1793 году гробница кардинала подверглась святотатственному поруганию. Буйная чернь, ворвавшаяся в склеп Сорбоннской церкви, разломала саркофаг Ришелье и сорок девять других гробов и выкинула из них прах усопших. Замешавшийся в толпе роялист, шапочник Шеваль, спас при этом от уничтожения маску, которою было покрыто лицо кардинала. Шеваль хранил ее сперва у себя, а затем передал аббату Арме. Впоследствии она была поднесена Наполеону III, который велел положить ее в реставрационную гробницу знаменитого кардинала. В Мазаринской библиотеке хранится под стеклом мизинец Ришелье. Уверяют, что он был оторван от бальзамированного трупа каким-то каменщиком, хотевшим присвоить себе надетый на него драгоценный перстень. Палец этот достался потом библиотекарю Раделю, который и пожертвовал его библиотеке.

Ришелье и после смерти продолжал управлять Францией, так как Людовик XIII предписал своему государственному совету руководствоваться во внутренней и внешней политике программой великого кардинала. По кончине короля, лишь на полгода пережившего гениального своего министра, Анна Австрийская, которой пришлось вынести из-за Ришелье так много неприятностей, имела случай короче познакомиться с государственными делами и отдала тогда справедливость заслугам покойного. В бытность свою королевой-регентшей, она остановилась однажды перед его портретом и сказала вполголоса: “Если бы этот человек не умер, он пользовался бы теперь большим могуществом, чем когда-либо”.

Монтескье называл Ришелье “негоднейшим из французских граждан”. Действительно, благодаря великому кардиналу Людовик XIII и его преемники приобрели возможность злоупотреблять властью даже в большей степени, чем восточные деспоты, которых все-таки несколько обуздывает страх постоянно грозящей им дворцовой революции. Тем не менее очевидно, что даже с национальной французской точки зрения нельзя обвинять Ришелье за поддержку, оказанную им королевской власти в борьбе с эгоизмом феодальной аристократии, угнетавшей все остальные классы населения и стремившейся расчленить Францию.

Венецианский посол, в донесении своем сенату, писал: “Ришелье ниспослан был провидением, дабы смирить гордыню испанского дома и спасти рукою Франции Европу от угрожавшего ей рабства”.

История может только подтвердить эту оценку государственной деятельности Ришелье.

Источники и пособия

1. *Avenel.* Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'Etat du cardinal de Richelieu.

2. *Baschet.* Memoire. d'Armand du Plessis de Richelieu, eveque de Lucon etc.

3. *A. Desprez.* Richelieu et Mazarin, leur politique et leur oeuvre.

4. *L. Dussieux.* Le cardinal de Richelieu.

5. *Geley.* Fancan et la politique de Richelieu.

6. *A. Jay.* Histoire du ministere du cardinal de Richelieu.

7. *E. Zeller.* Richelieu et les ministres de Louis XIII de 1621 a 1624.

notes

Примечания

1

ковы – козни (устар.)

2

Янсенисты – последователи янсенизма, религиозно-политического неортодоксального католического течения во Франции и Голландии в XVII – XVIII веках

3

Нантский эдикт – указ, изданный королем Генрихом IV в 1598 г. в целях прекращения религиозных конфликтов и законодательно устанавливающий статус протестантов (гугенотов) во Франции

4

Она закрылась после смерти кардинала

вереды – нарывы, гнойники

6

Надеясь пережить Людовика XIII, Ришелье хотел передать регентство Анне Австрийской и принцу Конде (сын которого был женат на его племяннице). С самой королевой у кардинала установились за последнее время довольно сносные отношения, так что он рассчитывал во всяком случае остаться у кормила правления